

УДК 14.87
ББК 87.25
МЗ1

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-03-16062д

Перевод *М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина,*

Металл А.

М 31 Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В.). М.: «Канон⁺» РООИ «Реабилитация», 2007. — 480 с.

Научный редактор — д. и. н., профессор Л. Л. Репина

ISBN 978-5-88373-150-0.

Книга американского историка Аллана Мегилла подводит итог многолетним исследованиям автора в области проблем исторической эпистемологии и одновременно предлагает контуры структуры того типа мышления, которое называют историческим. Показывая широкую панораму движения исторического познания от классического историзма Ранке, через спекулятивную философию истории и концепции истории школы «Анналов», через полемику между представителями исторической герменевтики и сторонниками модели охватывающего закона К. Гемпеля к идее «исторического возвышенного» Х. Уайта, автор выявляет суть интриги развития истории как научной дисциплины с конца XIX века по настоящее время и вместе с этим специфику исторического дискурса в целом.

This book, by the American historian Allan Megill, sums up long-term researches by the author in the field of historical epistemology, while also outlining the structure of historical thinking. Megill gives a panoramic view of historical knowledge, including such topics as the classic historicism of Ranke, speculative philosophy of history, the historical concepts of the Annales school, the debate between representatives of historical hermeneutics and supporters of Carl Hempel's covering law model, the relations between history and memory, objectivity in history, the role of speculative in history, and Hayden White's "historical sublime." The author reveals both the essential plot-line of history's development as a scientific discipline and the distinctiveness of historical discourse as a whole.

УДК 14.87
ББК 87.25

ISBN 978-5-88373-150-0

© Мегилл А., 2007
© Кукарцева М., Катаев В.,
Тимонин В., перевод, 2007
© Издательство «Канон⁺»
РООИ «Реабилитация», 2007

Слова признательности

В моих размышлениях об истории и о том, как она должна быть написана, я испытал влияние многих людей. В предыдущих изданиях статей, вошедших в этот сборник, я выразил благодарность многим из них за помощь. Здесь, в минималистском духе, я воздерживаюсь от перечисления всех имен. Я просто скажу, что многие коллеги высказали мне свои соображения.

Филипп Хоненбергер был для меня чрезвычайно важным помощником в написании этой книги. Он вдохновлял работу и в то же время много сделал для ее улучшения. Он также, вместе со Стивеном Шепардом, выступил соавтором главы IX.

Я благодарю многих студентов университетов штатов Айова и Вирджиния, которые слушали мои курсы по философии истории, историографии и другим, связанным с ними разделам, и внесли, таким образом, свой вклад в разработку некоторых из идей данной книги.

Университет Вирджинии предоставил мне творческий отпуск в весенних семестрах 1994, 2000 и 2005 годов и помощь с расходами на исследования. Без такого творческого отпуска (хотя, преподавание обычно больше помогает, чем препятствует в моей работе: педагогика, в конце концов, является истинным результатом исследований) я не сумел бы закончить работу. Фонды и превосходное обслуживание в библиотеке имени Олдермена Университета Вирджинии также весьма способствовали завершению этой книги.

Самую большую признательность хочу выразить Рите и Марии Фельски, а также благодарность за постоянную поддержку Джейсону, Джонатану и Джессике Мегилл.

В марте 2005 года я предпринял поездку в Россию в связи с проектом перевода этой книги. Я хочу выразить благодарность прежде всего профессору МГУ им Ломоносова Марине Кукарцевой за помощь в организации моей поездки, а также ректорату и коллективу кафедры философии и психологии МГТУ «МАМИ» за теплый прием и радушие. Отдельное спасибо переводчи-

ком книги, особенно профессору М. А. Кукарцевой, которая много сделала для подготовки рукописи к изданию в России, и научному редактору, доктору исторических наук, профессору Л. П. Репиной, бескорыстная и кропотливая работа которых сделала возможным издание книги в России.

Части этой книги были в разное время опубликованы в некоторых иных изданиях. Я благодарю прежних редакторов и издателей за их веру в мою работу и за разрешение на ее переиздание.

Первоначальные названия и места публикации таковы:

«*History with Memoiry, Histoiry without Memory*» - эта глава была впервые представлена в виде доклада в Институте гуманитарных наук в Вене весной 2000 года;

«*History, Memory, Identity*» // *History of the Human Sciences*. Vol. II. № 3. 1998. P. 37-62;

«*Does Narrative Have a Cognitive Value of Its Own?*» // *Horst Walter Blanke, Friedrich Jaeger, and Thomas Sandkühler, eds., Dimensionen der Historik. Geschichtstheorie, Wissenschafts-geschichte und Geschichtskultur heute: Jörn Riisen zum 60. Geburtstag. Köln: Böhlau, 1998. S. 41-52;*

«*Recounting the Past: "Description", Explanation, and Narrative in Historiography*» // *American Historical Review* 94, 1989. P. 627-653;

«*Fragmentation and the Future of Historiography*» // *American Historical Review*. Vol. 96. 1991. P. 693-698;

«*"Grand Narrative" and the Discipline of History*» // *Frank Ankersmit and Hans Kellner, eds. A New Philosophy of History. London: Reaktion Books, 1995. P 151-173, 263-271;*

«*Coherence and Incoherence in Historical Studies. From the Annales School to the New Cultural History*» // *New Literary History*. Vol. 35. 2004. P. 207-231;

«*Four Senses of Objectivity*». *Annals of Scholarship*. Vol. 8. 1991. P. 301-320 // repr. in *Rethinking Objectivity*, ed. A. Megill. Durham, N. C: Duke University Press, 1994;

«*Are We Asking Too Much of Histoiry?*» // *Historically Speaking*. Vol. 3. № 4. April, 2002. P. 9-11;

«*The New Counterfactualists*» // *Historically Speaking*. Vol. 5. № 4. March, 2004. P. 17-18.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Мне очень приятно представить эту работу российской публике. Я предназначал ее для англо-говорящих читателей, в частности для американцев, и не думал о том, что она могла бы стать русским так же, как и американским предприятием. Эти две страны очень различны - как в их истории, так и в сегодняшней социально-экономической и политической ситуации. И все же я полагаю, что эта книга может говорить и с российскими читателями (и, возможно, более ясно и непосредственно, чем с американцами), потому что в эпоху СССР попытки поставить историю на службу идеологии были гораздо более явны и очевидны, чем их более изящные эквиваленты в Соединенных Штатах.

Мой главный интерес в этой книге заключается в рассмотрении аргументов и обоснований, которые позволяют ответить на вопрос: на каких основаниях мы принимаем оценки прошлого, которые предлагают нам историки и другие люди? Или, говоря немного другими словами: как лучше всего мы можем избежать историографической ошибки? «Историческая эпистемология», к которой я обращаюсь, занимается исследованием правил, предназначенных для обнаружения и предотвращения такой ошибки. Но никто не может понять доказательную сторону исторического исследования и исторического описания без понимания других связанных с ней тем. Поэтому в книге также рассматриваются описание, объяснение и интерпретация в истории; роль памяти в историографии (и аргументы против нее); структура предположений в историческом исследовании и в историческом описании, задаваемая (как правило, имплицитно) понятиями «парадигмы» и «большого

нарратива»; объективность и место рассуждений (или «абдукция») в историческом исследовании. В этой книге также разбираются несколько частых ошибок в историографии и особенно разделяемое многими представление о том, что историк должен стремиться передать нам «непосредственный» опыт прошлого.

Прежде всего, я должен обратить внимание на то, что в мои намерения не входит предлагать теорию историописания, потому что я не думаю, что можно предложить какую-то единственную его теорию вообще или исторической эпистемологии в частности. Во всяком случае, нельзя предложить никакой *приемлемой* теории. Скорее, в этой книге дается некоторая совокупность теоретических размышлений об исторической эпистемологии, а именно - о проблеме границ и условий исторического знания. Эти теоретические рассуждения сформировались в ходе рассмотрения специальных примеров, причем результат следует искать именно в тех общих теоретических положениях, которые будут предложены в этой книге, а не в освещении специальных примеров. В меньшей степени моя цель состоит в том, чтобы внести вклад в философскую экспертизу эпистемологических проблем; скорее, она в том, чтобы побудить (или призвать еще раз) практикующих историков - и особенно (но не только) начинающих - обратиться к эпистемологическому аспекту их работы. Я постоянно возвращаюсь к этой проблеме с разных сторон и надеюсь таким образом стимулировать собственные размышления читателя. Сверх того я надеюсь, что читатель примет те теоретические положения, которые предлагаются в книге, и применит их к своей собственной практике чтения и написания истории.

Во введении я размышляю над случаями удачной и неудачной эпистемологической практики, черпая мои приме-

ры из так называемой «новой» культурной истории, которая с недавних пор играет доминирующую роль в профессиональном историописании в Соединенных Штатах.

В главе I, «Память», рассматриваются проблемы, обозначенные во введении. Две части в ней посвящены критическому анализу часто раздающегося заявления о том, что история есть просто форма памяти. Параграф 1, «История с памятью, история без памяти», прямо критикует это предположение, но в то же время доказывает, что без «памяти» нельзя обойтись. В параграфе 2, «История, память, идентичность», к указанному биному добавляется «идентичность». В главе обсуждается вопрос о том, что для нынешнего поколения идентичность стала одновременно и проблематичной, и высоко ценимой категорией в американской культуре, как и в любой другой. Идентичность тесно связана с памятью и обе они имеют сложное отношение к истории.

Глава II, «Нарратив и познание», обращена к познавательному аспекту исторического нарратива. Параграф 1 этой главы, «Имеет ли нарратив собственную познавательную ценность», начинается с тезиса Луиса Минка о том, что возможно распознать «концептуальные предположения», встроенные в нарратив. Параграф 2, «Нарратив и четыре задачи историописания», рассматривает познавательную сторону работы историка, разбирая четыре задачи историографии: описание (дескрипция), объяснение, аргументация, или обоснование, и интерпретация.

Глава III, «Фрагментация», обращена к расколу исторического исследовательского поля, который возник в границах академической историографии. Эта фрагментация появилась потому, что возникли и вошли в конфликт друг с другом различные интерпретирующие перспективы. Действительно, кажется, что фрагментация есть неизбежное

последствие интерпретирующего характера исторического исследования и исторического описания. Моя позиция заключается в том, что эпистемологически ответственной историографии следует, скорее, идти в ногу с такой фрагментацией.

В параграфе 1 главы III, «Фрагментация и будущее историографии: размышления о работе Питера Новика "Эта благородная мечта"», рассматривается проблема фрагментации истории по следам последней части известной книги Питера Новика, вышедшей в 1988 году, где он описывает американскую историческую профессию, в которой в то время, когда он писал свою работу, не было «никакого короля», т. е. не было доминирующего консенсуса. Параграф 2, «"Большой нарратив" и дисциплина истории», является гораздо более длинным и более сложным, но я надеюсь, что он возместит то внимание, которое читатель уделит ему. В нем предлагается ряд дистинкций и перспектив, которые являются весьма важными для тех, кто хочет понять природу историографической связности. В этом параграфе также исследуются варианты выбора историка, которые появляются тогда, когда отвергается идея существования универсальной истории.

Несмотря на очевидное разнообразие интерпретирующих перспектив, применяемых к историческому прошлому, сохраняется устойчивая тенденция к восстановлению связности («gescoherentization») истории. В главе IV, «Связность», состоящей из одного параграфа, «Связность и непоследовательность в исторических исследованиях: от школы "Анналов" до новой культурной истории», я исследую эту тенденцию. В центре главы - наиболее влиятельная школа исторического исследования и историописания второй половины XX столетия - французская школа «Анналов». Такие мэтры школы, как Люсьен Февр и Фернан

Бродель стремились написать «тотальную историю» (или, как однажды назвал ее Февр, «тоталитарную историю»). Их усилия потерпели неудачу. Впоследствии новое поколение историков, тесно связанных со школой «Анналов», изобрело «новую культурную историю». Эти историки больше не стремятся написать тотальную историю, поскольку они хорошо понимают, что о прошлом может быть написано гораздо больше того, что когда-либо возможно поместить в единый, «тотальный» взгляд на историю. Но все же они обращаются к связности - *навязанной* связности, обоснование которой они находят в идее Томаса Куна о том, что научные дисциплины обычно объединяются приверженностью всех компетентных исследователей к единственной «парадигме», или модели, научного исследования.

Глава V обращается к двум взаимосвязанным темам - «Объективность и рассуждение» в истории. В параграфе 1 - «Объективность для историков» - кратко рассматривается широко обсуждаемая проблема объективности. Здесь доказывается, что объективность есть весьма сложная идея. В ее основе нет никакого *единственного* значения, а скорее, как предполагается в главе, она имеет их четыре - различных, хотя и связанных между собой, составляющих объективность в ее абсолютном, дисциплинарном, диалектическом и процедурном смыслах. Все четыре смысла объективности существенны для исторической работы: они составляют своего рода «фактор X», который позволяет заниматься историей, а не простой пропагандой. В параграфе 2, «Проблема исторической эпистемологии: что знали соседи о Томасе Джефферсоне и Салли Хемингс?» (соавторы С. Шепард и Ф. Хоненбергер), ставится проблема, с которой историки всегда сталкиваются в своей работе, - эту проблему социологи осторожно называют

проблемой «неполноты данных». Один из способов иметь дело с неполными данными заключается в принятии позиции агностицизма: не делать никаких заявлений о прошлом, если нельзя быть совершенно уверенным в их истинности. Но, следуя такой стратегии, историки могли бы предложить читателю только «разрозненные эмпирические фрагменты», как отметил историк и теоретик истории XIX века И. Г. Дройзен. Для того, чтобы написать любую достойную работу по истории вообще, историки должны рассуждать.

Название главы VI, «Против моды дня», говорит само за себя (хотя можно сказать, что многое из остальной части этой книги также подвергает сомнению сегодняшнюю моду). Параграф 1, «Против непосредственности (не слишком ли многого мы ждем от истории?)», привлекает внимание к необоснованному, непродуманному, даже самонадеянному, характеру допущения о том, что историк может и должен стремиться к воссозданию опыта людей прошлого в его прямой непосредственности. В параграфе 2, «Воображаемая история: о "Виртуальной истории" Найалла Фергюсона и подобных работах» я размышляю о месте контрфактического моделирования в исторических исследованиях.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Представленная вниманию российского читателя книга является дебютом американского историка Аллана Мегилла на российской интеллектуальной сцене. А. Мегилл (1947 г. р.), профессор истории университета Вирджинии (США), специалист в области истории идей и исторической теории, крупный представитель интеллектуальной истории. Автор известных работ: «Пророки постмодерна: Ницше, Хайдеггер, Фуко и Деррида» (1985); «Карл Маркс: бремя мотива» (2002), а также ряда работ по теории истории. Его книга «Историческая эпистемология» издана в США в 2007 году издательством Чикагского университета, в этом же году она выходит в Китае, в издательстве Пекинского университета, и в России. Примечательно, что автор предложил свою рукопись к изданию именно в этих «постмарксистских», как он подчеркивает, странах. По его мнению, интерес к истории, к историческому мышлению и особенно к теории истории одинаково велик как в России, так и в Китае, что во многом объясняется долгим господством в социально-гуманитарной мысли этих стран известной философской традиции, приведшей к трудновосполнимым лакунам в историческом знании.

Мегилл обращает внимание на то, что прежде всего его работа адресована начинающим историкам, студентам и аспирантам, неопитам, а также всем, кому интересны методологические проблемы работы историка, «...эта книга предназначена для пока еще непосвященных, она - введение в те проблемы, которые сегодня актуальны», - пишет он во «Введении». Мегилл рассуждает о том, говоря словами известного отечественного историка, «как думают историки»¹. Но, в отличие от своего российского коллеги,

¹ Коносов Н. Е. Как думают историки. М., 2001.

он сомневается в возможности дать более-менее четкий ответ на этот вопрос. «Безусловно, чтобы выяснить, что именно историки действительно думали - или думают - о таких вопросах, нужно было бы проделать научно-исследовательскую работу исключительной сложности, и результаты были бы проблематичными из-за того факта, что историки не всегда думают ясно, или вообще не думают, о тех проблемах, на которые теоретически ориентируются», - пишет он.

Учитывая адресата и цели издания, переводчики книги старались в своих примечаниях максимально четко разъяснять суть приводимых автором терминов и концепций, сюжеты малоизвестных исторических событий, смысл метафор, нередко имеющих хождение только в американской культуре последнего времени. Это повлияло и на выбор концепции перевода, основной идеей которой стала «установка на читателя», на удобочитаемость текста. При сохранении ссылки на англоязычное или другое приводимое А. Мегиллом издание, мы одновременно давали отсылку и к русским изданиям цитируемых им текстов, для того чтобы читателю в случае необходимости было бы просто найти заинтересовавшую его работу¹. Кроме того, мы сочли необходимым вкратце ввести читателя-неофита в круг проблем и основных этапов развития исторической эпистемологии.

Сам термин «эпистемология», где акцент сделан на первой части - «эпистеме», означает учение о твердом знании, в отличие от гносеологии, где акцентируется «ло-

¹ О проблемах перевода см. замечательную статью: Автономова Н. С. «О философском переводе» // Вопросы философии. 2006. № 2; См. также: Руднев В. П. Вступительная статья к книге: Н Малькольм. «Состояние сна». М., 1993; Целищев В. В. Вступительная статья к книге: Р. Рорти. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997; Гаспаров М. Мастерство перевода. М., 1971; и др. работы.

гос» - слово, учение. Оба термина имеют древнегреческое происхождение, но первый из них приобрел широкое распространение в англоязычном научном дискурсе¹. Долгое время было принято трактовать гносеологию как общую теорию познания, а эпистемологию - как теорию научного познания. В отечественной философии последних лет принято понимать под эпистемологией «область традиционно философских исследований, в которой предметом анализа выступают проблемы природы, предпосылок и эволюции познания (в том числе научного), вопросы об отношении знания к действительности и условиях его истинности. Таким образом, эпистемология - это практически то же самое, что и теория познания, т. е. философская концепция, философское учение о познании»². В самом общем виде, в зависимости от задач исследования, эпистемологию подразделяют на *нормативную (традиционную)* - выявление стандартов и норм познавательного процесса, нацеленных на его совершенствование, и *дескриптивную* - описание и исследование реального познавательного процесса. В первой половине XX века нормативная эпистемология реализовывала различные программы эмпиризма и рационализма, а дескриптивная апеллировала к психологизму, натурализму, эволюционизму. В результате развернувшихся дискуссий постепенно сформировался ряд относительно самостоятельных направлений эпистемологии XX века: *эволюционная*, имеющая целью исследование биологических предпосылок познания в филогенезе и объяснение познавательного процесса на основе теории эволюции, развиваемой в биологии (имеет 2 значения: исследование эволюции органов познания и познавательных способно-

¹ См.: Микешина Л. А. Философия познания. М., 2002.

² Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). СПб., 2003. Т. 1. С. 7.

стей - К. Лоренц, Г. Фоллмер, Р. Ридль и др.; модель роста знания и развития научного знания - К. Поппер, С. Тулмин, Т. Кун и др.)¹; *генетическая*, анализирующая специфику когнитивных структур человеческого интеллекта в его индивидуальном развитии (Ж. Пиаже, Р. Гарсиа и др.); *натуралистическая*, исследующая и объясняющая человеческое познание в онтогенезе, исходя из методологических идей психологии, естествознания и онтологии (У. В. О. Куайн и др.)²; *аналитическая*, основанная на англо-саксонской аналитической философии, отличающейся усиленным акцентом: 1) на логическом исследовании языка (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, М. Шлик, Венский кружок и др.), философии обыденного языка (поздний Л. Витгенштейн, Дж. Остин, П. Стросон и др.), философии науки, где знание исследовалось таким, каким оно зафиксировано в языке (Д. Дэвидсон, Б. Страуд, и др.); 2) на анализе биологических и психологических механизмов формирования, обработки и получения знания; на анализе пропозиционального и процедурного знания и пр. (Г. Фейгл, Х. Патнем, Дж. Серль и др.)³; *компьютерная*, основанная на исследовании и адаптации к решению проблем познания различных моделей обработки информации (П. Таггард и др.), *социальная*, исследующая знание с точки зрения ценностей, традиций, форм коммуникации и пр. (Д. Блур, С. Фуллер, Э. Голдман).

При этом необходимо подчеркнуть, что в современной философии нет единства мнений по поводу выявления ос-

¹ См.: Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). СПб., 2003. Т. I. Ч. I.

² См. об этом: Кезина А. В. «Натуралистический поворот» в современной эпистемологии // Философия в XX веке Сборник обзоров и рефератов. Ч. I. М., 2001. С. 43.

³ К аналитической эпистемологии можно отнести и идеи натуралистической эпистемологии Куйана, если принять во внимание его принадлежность к аналитической философии.

новых направлений эпистемологии. Многочисленные журналы, посвященные проблемам эпистемологии, издающиеся, например, в США, предлагают значительное число различных типологий эпистемологии. Такой разброс мнений свидетельствует не только о трудностях примирения конфликтующих точек зрения, но и о сложности и многоплановости современной эпистемологии.

Указанная сложность свойственна и исторической эпистемологии. Ее рассматривают в трех разных контекстах. Во-первых, как область философии и методологии науки, где историческая сторона знания исследуется в границах «использования принципа историзма в анализе проблем науки»¹. В этом аспекте историческую эпистемологию от Платона до Канта, исследует, например, Якко Хинтика². Представляет здесь интерес и монография М. Тайлс и Дж. Тайлс, в которой рассматриваются проблемы трансформации знания в контексте бэконовской теории идолов в познании. Авторы выделяют и исследуют четыре препятствия на пути развития знания: проблема извлечения знания - идолы «рода»; проблема философской традиции - идолы «театра»; проблема языка науки - идолы «площади»; проблема истории науки - идолы «пещеры»³.

Во-вторых, историческая эпистемология мыслится *разделом социальной эпистемологии*, которая понимается как территория пересечения эпистемологии и социологии; как исследование того, что люди в разных сообществах называют знанием. «Главные вопросы, которые меня интересуют, есть беспристрастное исчерпывающее значение кон-

¹ Соколова Л. Ю. Историческая эпистемология во Франции. СПб., 1995. С. 134.

² Jaakko Hintikka. Knowledge and the Known. Historical Perspectives on Epistemology. Dordrecht-Boston, 1974.

³ Mary Tiles & Jim Tiles. An Introduction to the Historical Epistemology. The Authority of Knowledge. Oxford-Cambridge (USA), 1993.

цепта «производства знания», которое включает в себя то, каким образом определенные лингвистические артефакты («тексты») начинают сертифицироваться как знания; возможное выявление паттернов таких артефактов (особенно того, как они используются для производства других подобных им артефактов, а также артефакты, имеющее политические и другие культурные последствия); производство определенных установок исследователей на природу всего предприятия знания (таких, например, как вера в «прогресс»)¹, - пишет основатель социальной эпистемологии Стив Фуллер.

Понятие «исторической эпистемологии» было введено Марксом Вартовски и означает исследование роли теоретических концепций разного рода в способах познания, свойственных науке и искусству, и того, как эти концепции соотносятся с исторически изменяющимся контекстом человеческой деятельности. «Знание есть предмет исторической эволюции»², - считал Вартовски. Историческая эпистемология исследует, таким образом, то, как в ходе истории знание конструируется обществом и как это знание исторически изменяется. Вартовски полагал, что наши способы репрезентации реальности принимают фор-

¹ Steve Fuller. Social Epistemology. Indiana Univ. Press, 1988. P. XI-XII. См также журнал: Social Epistemology. A Journal of Knowledge, Culture and Policy (<http://www.tandf.co.uk>), издающийся с 1987 года; недавно (год назад) основанный журнал Episteme. Journal of Social Epistemology (www.episteme.us.com); Касавин И, Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С. 5-16.

² Marx Wartofsky. Models, Representation and Scientific understanding // Boston Studies in the Philosophy of Science. Boston, 1979. P. XIII; Он же. Epistemology Historised // Naturalistic Epistemology A. Shimony & D. Nails ed. Dordrecht, 1987; Он же. Readings in Historical Epistemology (unpublished manuscript: course lectures notes. 1990).

му того, что мы наблюдаем. Например, понятие и концепции сексуальности. В их исследовании пересекаются история науки и культурная история, т. к. понятия сексуальной «нормы» и «девиации» выработаны одновременно наукой и моральными установками общества, формирующимися в ходе его истории. «Историческая эпистемология пытается показать, каким образом такая новая форма опыта, которую мы называем "сексуальностью" (...когда "existence" становится "sexistence") связана с возникновением новых структур знания и особенно с новым стилем мышления и используемым им понятиями»¹. Способы «конструктивизма» и «деконструктивизма» знания становятся ключевыми, вместо старых конструкций появляются новые (black-blackness; women-femininity; children-childhood; government-governing) и пр.² Изменяется и понятие самого субъекта познания. Как известно, М. Фуко, например, сформулировал концепцию историзации субъекта, осуществляемую через исследование дискурсивных практик общества, названную им генеалогией³. В ходе конструирования нового знания, таким образом, самое пристальное внимание уделяется его истокам в социальном и историческом контексте, его происхождению из деятельности человека и изменению характеристик этой деятельности в истории. В связи с этим И. Т. Касавин, например, понимает историческую эпистемологию как «*составную часть неклассической теории познания*» (курсив мой. - М. К.), являющуюся «ис-

¹ Davidson A. The Emergence of Sexuality // Historical Epistemology and the Formation of Concepts Cambridge, MA: Harvard University press, 2001. P. XIII.

² См.: Constructivism and Practice Towards a Historical Epistemology. C Gould ed. Oxford, 2003.

³ Фуко М. Археология гуманитарного знания М., 1996. О проблеме исследования различных концепций дискурса см. также: Discourse Synthesis. Studies in Historical and Contemporary Social Epistemology. Ed. R. McInnis. Connecticut-London, 2001.

торическим исследованием познания и одновременно – теоретико-познавательным анализом истории»¹. Здесь предметом исторической эпистемологии становятся и история познания и «историческое априори», в котором кроме когнитивного момента «схвачен» и экзистенциально-эмоциональный элемент исторических феноменов (исторические представления о Мире, Труде и Справедливости и феноменологические описания Веры, Надежды, Любви, например, как направлений духовного постижения мира), что дает возможность рассмотреть и коллективное (деятельность) и индивидуальное (мотивацию поведения) одновременно².

Кроме того, понимание исторической эпистемологии как раздела социальной эпистемологии связано с исследованием гносеологических проблем познания настоящего, прошлого и будущего. В этом случае центральные вопросы исторической эпистемологии можно сформулировать так: что значит – «мыслить исторически?»; что значит – «исторический метод мышления?»; «как осуществляется реальный процесс исторического познания», а ее предметом становится познание законов и тенденций прошлого, настоящего и будущего истории, выявление и формулирование всех возможных эвристических принципов и методов исторического исследования³? Историческая эпистемология есть способ максимизации возможностей формулировать истинностные утверждения (или, по крайней мере, конструктивные, не разрушающие историческое знание предположения) о прошлом. Невозможно определить от-

¹ Касавин И. Т. Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. СПб., 2000. С. 17, 20.

² Там же. С. 14–17; см. также; Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1999. Особенно «Введение». С. 9–21.

³ См об этом: Теория познания. Т. 4. Познание социальной реальности. Разд. 3, 4. М., 1995; Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001; Он же. Хватит убивать кошек! М., 2005; Marcello Muste. La storia: teoria e metodi. Roma, 2005; J. Ruseen. History: Narration, Interpretation, Orientation. New York: Berghahn, 2005.

правные точки исторического анализа, иначе чем через отношение их к основаначалам знания вообще. Любой теоретик и методолог истории должен исходить из уяснения того факта, что на рубеже XX–XXI веков в такой древней дисциплине, как история, ключевыми становятся «проблемы, в первую очередь, методологические»¹. Такое толкование исторической эпистемологии можно назвать *историологией*.

В-третьих, историческая эпистемология входит в область *философии истории* как своей большей категории – *раздела социальной философии*. Философия истории в широком смысле включает в себя четыре основных паттерна: работы по философии историографии, т. е о методах и теоретических допущениях в исторических исследованиях²; работы, исследующие саму теорию истории и ориентированные на практикующих историков³; работы по исторической теории, которые обращены в большей степени к философам, чем к историкам, например – аналитическая философия истории⁴; работы классической (спекулятивной)

¹ Гайденок П. П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 226.

² Например: Iggers, Georg G. Historiography in the twentieth century: from scientific objectivity to the postmodern challenge. Wesleyan Hanover. N H: Wesleyan University Press, 1997; Burke, Peter, ed. New Perspectives in historical writing. Univeristy Park: University of Pennsylvania Press, 1992.; Kammen, Michael, ed. The Past Before Us: Contemporary Historical Writing the United States. Ithaca: Cornell University Press, 1980.; Kaye, Harvey J. The British Marxist Historians. Cambridge: Polity Press, 1984.

³ Например: Braudel, Fernand. On History. Trans. Sarah Matthews. Chicago: University of Chicago Press, 1980; White, Hayden. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985; Фуко М. Археология знания. М., 2004.

⁴ Например: Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2004; Гемпель К. Функция общих законов в истории // Карл Гемпель. Логика объяснения. М., 1998; работы В. Дильтея по исторической герменевтике. Gardiner, Patrick, ed. Theories of History. N. Y.: Free Press, 1959.

философии истории, в которых речь идет о самом историческом процессе, его преимущественных детерминантах, направлении, смысле и пр.¹ Безусловно, указанные разделы могут пересекаться между собой частью объемов; например, работы по теории истории могут быть с остороженностью восприняты историками и представлять интерес в основном для философов и даже шире - для культурологов; точно так же работы по аналитической философии истории, при всей их спорной полезности в реальной исторической практике, могут вызывать у практикующих историков самый живой отклик.

Специфика философии истории заключается в том, что она вообще может заниматься тем, что считает нужным: от проблем науки и критериев научности и рациональности в историческом знании до внерационального, мифо-поэтического, эзотерического постижения истории. Форма бытия знания философии истории - философские абстракции, бывают разных уровней обобщения. Чем выше уровень, на который выходит философ, тем более отвлеченной становится историческая реальность. Абстракции философии истории имеют самые разные формы выражения, нередко, с точки зрения исторической науки, совершенно неадекватные сущности исторического процесса и методологии его познания (например, философия истории М. Фуко многим историкам кажется абсолютно а-исторической, хотя философская мотивация работ Фуко вписывается в витальный интерес историков к практике исторических исследований). В данном случае философско-историческое знание характеризуется слабой проверяемостью; философия истории смотрит на историю с точки зрения, вынесенной за пределы истории, акцентирует философию в философии истории и отрицает пределы философ-

¹ Труды Вольтера, Руссо, Кондорсе, Канта, Гегеля, Маркса, Шпенглера, Тойнби, Сорокина, а также Ницше, Хайдеггера, Левитца, Коллингууда и др

ской интерпретации истории. С другой стороны, философско-историческое исследование не может состоять из одних абстракций. Логическая схема истории должна наполняться историческим материалом, а философ истории должен иметь некое «историческое чувство», для того чтобы его понимание природы анализируемого было отрефлексированным, а не внешним или вымышленным описанием некоторых событий. Здесь эмпирическая сторона философии истории понимается как критическое исследование исторических источников и фактов; философия истории смотрит на историю с точки зрения самой истории, акцентирует историю в философии истории, постулирует закономерные ограничения наличных объяснительных и интерпретационных схем. Таким образом, философия истории амбивалентна, она - продуктивный синтез вненаучного знания и рационализма. С одной стороны - это умозрительное построение истории, т. к., чтобы подняться над доступным эмпирическим материалом, необходимо найти точку баланса, дабы не нарушать перспективу. С другой стороны, теоретические предпосылки философии истории опираются на обобщение эмпирических данных других наук - семиотики, информатики, исторической психологии, исторической поэтики и пр. Главное - избежать непоследовательности в применении тех принципов, которые были приняты как обязательные.

Философия истории XXI века чрезвычайно широка по объему. Она охватывает такие проблемы, как политическое присвоение прошлого и политологические паттерны исторического дискурса; презентация прошлого: музеи, памятники, коммеморация; масс-медиа и репрезентация ближайшего прошлого; глобализованная история; новые национальные субъекты и идентичности; коллективная память и ретроспективная интерпретация социального про-

шлого; память как «открытая рана»: апелляция к прошлому и способы ее выражения в искусстве и литературе; границы философской интерпретации исторического процесса; новые тенденции в современной историографии и пр.¹ При этом надо заметить, что удельный вес философско-исторических исследований в мировой философской мысли относительно невелик. По сути дела, можно назвать только один действительно влиятельный журнал, посвященный исследованию философско-исторических проблем - *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*². В нем публикуются интересные материалы по самым разным проблемам философии истории. Одним из постоянных авторов журнала и членом его редколлегии является Ф. Анкерсмит - самый интересный и глубоко мыслящий (наряду с Р. Козеллеком) теоретик и философ истории сегодня³.

В представленной монографии историческая эпистемология рассмотрена как *философия истории и как историология*, т. е. как часть социальной эпистемологии и как часть социальной философии.

«Неимоверно убыстрившийся и сопровождающийся кактаклизмами ход исторического развития грозит утратой исторической памяти и вместе с ней - чувства преемственности с прошлым. Кто, как не историк, призван восстанавли-

¹ См. материалы II Международного конгресса по философии истории. (II International Congress for Philosophy of History. Rewriting Social Memory. Universidad de Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Catèdra de Filosofía de la Historia. Buenos Aires, 11-12 October 2006.

² *History and Theory. Studies in the Philosophy of History* Wesleyan University press. <http://www.jstor.org>

³ *R. Koselleck. The Practice of Conceptual History (Timing History, Spacing Concepts)*. Stanford university press, 2002; *Он же. Futurest Past. On the Semantic of Historical Time*. Mass, 1985. О философии истории см.: *The Philosophy of History: A Re-Examination*. W. Sweet ed. Aldershot (UK), 2004; *J. J. A. Mooji. Time and Mind: History and Philosophical Problem* (Brill's Studies in Intellectual History. № 3). Boston, 2005. P. 287.

ливать и культивировать историческую память?» - подчеркивал выдающийся отечественный историк А. Я. Гуревич¹. В топиках философии истории последних двух десятилетий доминирующим предметом исследований является проблема памяти. Наиболее полным описанием и анализом направлений исследования памяти в мировой философско-исторической мысли является книга «Изобретая прошлое: исследования памяти в культуре и истории» (под ред. Отто Хейма и Каролин Вэйдмер) - от памяти как текстуальности до таких ключевых сегодня понятий в исторических исследованиях как «травма», «опыт», «молчание»². Новым и очень интересным в этой связи направлением исследований, является «постколониальная история», где историки, философы и культурологи пытаются переосмыслить историю как процесс, в котором «пост-имперское» поколение переписывает историю не как хронику, а как свой жизненный опыт; акцентируют внимание на маргинальных для общего направления истории западных стран вопросах исторического времени и пространства. Здесь заслуживает внимание книга весьма популярного сегодня в США автора Дипеша Чакрабарты «Провинциализированная Европа - постколониальное мышление и историческое различие»; на нее ссылается Мегилл, анализируя проблему памяти в первых главах настоящего издания³. В определенной

¹ *Гуревич А. Я. Историк конца XX века. В поисках метода* // Одиссей, 1996. С. 6; см. об этом также: *П. Хаттон. История как искусство памяти*. СПб., 2003; *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сборник статей*. Челябинск, 2004.

² *Inventing the Past: memory work in culture and History* O. Heim. & C. Weidmer ed. N. Y., 2005; см. Также; *G. Rosenfeld. The World Hilter Never Made: Alternative History and the Memory of Nazism*. N. Y.: Cambridge university press, 2005. P. 524.

³ *Chakrabarty Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference* Princeton University press, 2000; см. Также: *Partha Chatterjee. The Nation and its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories*. Oxford University press, 1994; и др.

мере программной для сегодняшней философии истории можно считать статью Элко Руня «Настоящее», в которой он, в связи с увеличивающимся значением памяти в исторических исследованиях, предлагает создать «новую философию истории». В центре нее должно находиться «...что-то фундаментальное, что-то вне самой философии истории, в самом обществе ... само настоящее»¹.

В разделе «Память» Мегилл рассматривает обширный круг вопросов, связанных с проблемами исторической традиции, памяти, коммеморации. В понимании указанного феномена Мегилл часто обращается к идеям М. Хальбвакса, согласно которому «...индивидуальная память - это точка зрения на коллективную память, изменяющаяся в зависимости от занимаемого в ней места, а само это место изменяется в зависимости от отношений, которые я подерживаю с другими»². Т. е. индивидуальная память, фрагментарно и избирательно воссоздавая прошлое, подчиняется правилам памяти коллективной (исторической и/или социальной) и часто «лишь выражает потребности данной социальной группы»³. Без внимания американского историка не остаются и идеи П. Нора об особенностях связи истории и нации⁴. По мнению Мегилла, функционирование коллективной памяти поднимает вопросы производства,

¹ E. Runia. Presence // History and Theory. V. 45. February 2006. P. 5
В октябрьском номере History and Theory дискуссия о статусе настоящего в философско-исторических исследованиях была продолжена интересными статьями Ф. Анкерсмита, Э. Доманска и др. History and Theory. Forum: On Presence. October 2006. P. 328-336; см. об этом: Кукарцева М., Колomoец Е. Эпистемология и онтология истории // Вестник МГУ. Серия: философия. № 1. 2007.

² Halbwachs M. La memorie collective. Paris: PUF, 1970. P. 83; цит. по: В. Каради. Морис Хальбвакс: биографический очерк // М. Хальбвакс. Социальные классы и морфология. СПб., 2000.

³ Ibid.

⁴ Нора П. Франция-Память. СПб., 1999.

сохранения и передачи исторической и иной информации и манипулирования ею; формирования персональной и групповой идентичности. Американский историк подробно исследует взаимосвязи и взаимодетерминацию памяти и идентичности. Он подчеркивает, что без идентичностей - специфических конфигураций человеческого существования - не может существовать никакое историописание, поскольку тогда история испытала бы недостаток и в исторических агентах, и в центральных проблемах.

Рассматривая историческую эпистемологию как историологию, Мегилл подчеркивает, что эпистемологические проблемы всегда являются центральными для серьезной исторической работы. К сожалению, констатирует он, далеко не каждый историк сегодня руководствуется этими соображениями, так же как и ясным пониманием специфики бытия истории, особенностей основных категорий исторического познания и их отличием от категорий и методов познания природы. Он призывает возродить в историческом знании необходимость изучения историологии и определяет ее в самом общем виде как *нерешающую диалектику* или *принцип нерешительности*, а это означает, что историк (в отличие, по его мнению, от философа или социолога) в области философии истории или в области методологических проблем исторического познания всегда должен воздерживаться от окончательных суждений и следовать своего рода «срединным путем», не говоря по поводу каких-либо исторических событий ни категорическое «да», ни категорическое «нет».

В связи с этим нужно обратить внимание читателя на то, что в наши дни все еще продолжает сохраняться непонимание между историками и философами, занимающимися проблемами исторической эпистемологии. «Большинство работ об эпистемологическом базисе истории публикуются сегодня в узкоспециальных журналах, где философии

больше, чем истории»¹, - сожалел, например, Т. Хамероу, представитель раннего поколения американских историков, непоколебимых «антитеоретиков», воспитанных в парадигме традиционной политической истории. Отечественный журнал «Thesis» также подчеркивал, что всякие «попытки философов уточнить границы между методологией истории и философии истории держат историков в состоянии если не войны, то вооруженного нейтралитета»², и эта ситуация не слишком изменилась и сейчас. В работах по эпистемологии истории часто доминирует элемент философской (не исторической) рефлексии, что в определенной мере оправдано, т. к. философская рефлексия способна осуществлять сложные акты дискурса, которые просто не входят в сферу компетенции истории³.

Мегилл признает это; признает он и то, что философия, в силу ее способности выйти за круг традиционных методов познавательной рефлексии (формообразование, систематизация, классификация и др.), может предложить истории новые приемы исследования, основанные на изучении нередуцируемых человеческих переживаний, аффектов, желаний как досимволических структур, активно воздействующих на сознание человека, определяющих систему означаемого в языке и весьма иллюстративно эксплицируемых в истории. Собственно, методологически ряд направлений новой истории построены на изучении подобных структур (антропологическая, психологическая школы, история снизу, устная история, квир и др.). Мегилл пишет: «Я представляю себе историков, которые могли бы транс-

¹ *Hamerow T. Reflections on History and Historians. Univ. of Wis. Press, 1987. P. 196.*

² *Thesis. 1994. №4. С 158.*

³ См. интересную с размышлениями об этом в: *R. Eldridge. History VS. (Epistemological) Theory // History and Theory 45 (October 2006). p. 448-454.*

формировать себя в экономистов, или философов, или литературных критиков, и которые могли бы легко перемещаться взад-вперед между этими конфликтующими областями исследований (они и в самом деле конфликтующие). Я представляю себе историков, которые, в то же время, были бы интеллектуалами, со знанием дела рассуждающими как в границах историографической области исследований, так и вне ее»¹. Но, ведомые корпоративной ограниченностью, историки нередко в той или иной мере отрицают важную роль философии и ряда других наук корпуса социально-гуманитарного знания в развертывании их системы рассуждений. Мегилл подчеркивает, что смена методов, сюжетов, оснований, целей исторического исследования стимулирует историческую эпистемологию на поиск все новых теорий и средств анализа, в связи с чем историческая эпистемология часто обращается к междисциплинарным приемам анализа, что открывает историческому исследованию различные познавательные уровни².

Междисциплинарная методология сочетает разные приемы и средства анализа не в произвольном порядке, как рядоположенные отдельные дисциплины, а строго в соответствии с реальной эпистемологической ситуацией в истории. Ну, а поскольку в последней ныне нет согласия по какой-либо из альтернативных эпистемологии, конкурирующим школам оппозиционные методологии, естествен-

¹ Что, честно говоря, вступает в некоторое противоречие с предложенным им пониманием исторической эпистемологии как принципе нерешительности. О междисциплинарное™ в истории см. коллективную монографию: *J. Jackson, S. Pelkey, ed. Music and History: Bridging the Disciplines. University press of Mississippi, 2005.*

² О том, нужна ли истории теория см.: *R. Koselleck. On the need for Theory in the Discipline of History // The Practice of Conceptual History. Stanford, 2002. P. 1-19; также: предисловие Х. Уайта к этому изданию.*

но, кажутся неадекватными реальным задачам исторического познания, невыполнимыми или наивными; реализация междисциплинарного подхода в ней сталкивается с рядом сложностей: угроза размывания границ предмета истории в связи с вхождением в него таких новообразований, как, например, этнопсихология, историческая поэтика, историческая климатология и пр; невыясненность техники передачи разными науками друг другу своих методик и неустановленность меры инноваций, имеющих право влиться в историю и вызвать только ее трансформацию, но не деструкцию и пр. Мегилл подчеркивает, что междисциплинарный синтез в истории нередко приводит к редукции концептуальных обобщений одной науки к другим, так что сущность собственно истории теряется. Следовательно, утверждает он, для реализации междисциплинарного подхода в истории необходимо обеспечить условия для естественного появления в ней знания новых дисциплин, но при строгом соблюдении методологических императивов своей области знания.

Как историология, историческая эпистемология оформляется только в XIX веке, хотя, например, известный английский историк П. Берк замечает, что западная историография всегда «отличается в своих основаниях склонностью к исследованию эпистемологических проблем, проблем исторического знания вообще. Историки конца XVII-начала XVIII веков разработали концепцию разных степеней правдоподобия в исторических утверждениях о прошлом и тем самым положили начало традиции взаимосвязи западной историографии и западной науки. Эта связь всегда была одновременно и тесной и сложной: одни историки объявляли себя «учеными», другие всячески отмежевывались от такого наименования. Так или иначе, но дебаты с наукой стали отличительной чертой западной историогра-

фии. Кроме того, в последней стало весьма популярным употребление термина "закон" ("трибунал" истории), а также метафорическое уподобление деятельности историка детективному или судебному разбирательству»¹.

В XIX веке историология конституировалась в контексте доминирования в научном знании позитивистского понимания единства науки, в котором предлагалось описание истории через законы науки и принципы физикалистско-объективистского детерминизма. Был сформулирован тезис, согласно которому познание истории есть каузальное *объяснение исторических событий* из некоего охватывающего (универсального) закона, который может быть социальным, психологическим, биологическим или физическим. Эти законы играют в социально-гуманитарных науках такую же роль, как и в науках естественных. Все индивидуальные случаи подводятся под охватывающие законы так, что производится логическая дедукция особенного явления из общего закона. Против такого редукционизма выступили неокантианцы баденской школы - Дильтей, Вебер, Зиммель, Арон и др., - утверждая, что все социально-гуманитарные дисциплины следуют собственным правилам, которые не являются случаями общих законов. В ходе этой борьбы сыграли ключевую роль идеи Виндельбанда о дистинкции номотетическое/идиографическое; Дильтея - о дистинкции объяснение/понимание); М. Вебера - о примирении объяснительного и интерпретативного аспектов в исторической работе. Центральные вопросы историологии весьма активно дебатировались исто-

¹ P. Burke. *Western Historical Thinking in a Global Perspective* - 10 Theses. P. 3.; см. об этом: Особенности мышления историков на Западе // Рецензия на *Western Historical Thinking. An Intercultural Debate*. Berghahn Books / Ed. Join Rusen. N. Y.: Oxford, 2002; Вестник Московского университета. Серия «Философия». № 2. 2004. С. 31-49

риками и философами, но всегда - в контексте молчаливого соглашения о том, что недвусмысленные ответы на эти вопросы будут даны только в будущем. В целом в XIX веке дискуссии в области историологии протекали либо в контексте риторического подхода к историописанию, берущего начало от Цицерона и Квинтиллиана - «риториков»; либо в диапазоне от гегелевского требования рассматривать историю как развитие мирового духа до резкой критики исторической эпистемологии Ф. Ницше, позиционирующем себя как анти-философ истории¹, и работ Э. Бернхейма, Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса² - «критических историков». Риторика была озабочена стилем исторического повествования и артикулировала сознание историка как сознание литературное; критические историки занимались исследованием методологии исторического исследования и понимали историка как методолога. Философы же истории ко всем этим проблемам высказывали небольшой интерес: они существовали в области более общих вопросов эпистемологии, как, например, Ф. Брэдли³. Из историков только Г. Дройзен в своих «Очерках историки» дал, в сущности, первое более или менее систематическое изложение исторической эпистемологии, предположив, что история принадлежит не к идеальному или материальному миру, но к миру этическому⁴.

В середине XX века утвердилось предположение о том, что убедительные (и вообще любые) ответы на вопросы о сущности истории дать нельзя. Сартр, Леви-Стросс, Хай-

¹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Собр. соч. М., 1997.

² Bergheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Lpz., 1908; Ш. Ланглуа, 111. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1898

³ Bradley F. H. The Presuppositions of the Critical History // Collected Essays by F. H. Bradley. Vol. 1. Oxford University press, 1935.

⁴ И. Г. Дройзен. Историка. СПб., 2004.

деггер, позже Фуко, Деррида и др. выразили серьезные сомнения в ценности и необходимости «исторического» создания, подчеркнули фикционный (вымышленный) характер любых исторических реконструкций. Серьезные сомнения в автономном статусе исторического дискурса спровоцировали, в свою очередь, англо-саксонские аналитические философы, предложив гигантский массив литературы об эпистемологической и культурной функции исторического мышления. Их версия звучала так: либо история есть точная наука, либо она есть подлинное искусство, и эти тезисы альтернативны. Указанные два направления исследований - европейское (в основном, структуралистское, постструктуралистское и постмодернистское) и англо-саксонское аналитическое - способствовали нарастанию интереса к эпистемологии, теории и философии истории. Все это привело к тому, что вокруг уже упоминавшегося и основанного в 1960-х журнала «History and Theory» сформировалась в целом достаточно эклектичная группа философов, социологов, историков и литературных критиков, объединившихся на основе интереса к теоретическим вопросам исторического исследования - историологии.

Основные направления их размышления можно представить (вслед за Мегиллом) четырьмя ключевыми ориентациями историологии: аналитической, герменевтической, идеалистской и нарративно-лингвистической¹. Первые три в основном относятся к дискуссиям конца XIX-начала XX века о статусе гуманитарного знания; последняя возникла только в 1970-е годы.

¹ Megill A. Historiology / Philosophy of Historical Writing // Encyclopedia of Historian and Historical Writing. Kelly Boyd ed. L, Fitzroy Dearborn, 1999. P. 499-542; см. также: Кукарцева М., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность. 2006, № 3.

Аналитическая историческая эпистемология или, скорее, философия историографии, представляет собой междисциплинарную дискуссию о том, что может быть известно об истории (событиях прошлого) и какого рода знания могут быть предложены историографией и историописанием о прошлом. До конца 1960-х гг. развитие аналитической историологии отражало развитие философии науки, концентрируясь вокруг формального анализа историографического языка и понятий. Одним из мощных стимулов развития аналитической историологии было исследование логико-позитивистской унифицированной модели научного знания. Историописание рассматривалось как оппозиция этой модели. Выяснение различного рода сходств и отличий между историографией, социально-гуманитарными науками, естествознанием, литературой и содержаниями этих дисциплин, было главной задачей аналитической историологии. Те историки, которые разделяли идею о том, что историография есть и должна быть отраслью науки, называли себя позитивистами. Те же, кто поддерживали идею дескриптивной и нормативной автономии историографии, называли себя идеалистами или гуманитариями. Во времена «золотого века» аналитической историологии, с 1930-х по 1960-е гг. и позитивисты и гуманитарии обменивались аргументами *pro* и *contra* концепций объективности и объяснения в логико-позитивистской модели науки.

Дискуссия об *объективности* началась с обсуждения тезиса Ранке о том, что для историка научный стандарт объективности заключается в том, чтобы изобразить прошлое таким, каким «оно было на самом деле». Гуманитарии старались доказать некорректность этого тезиса тем, что историки при отборе того, какие события должны быть упомянуты в историографическом исследовании, а какие нет, часто апеллируют к эстетическим и культурным цен-

ностям. Они утверждали, что историки формулируют их утверждения так, чтобы отличить *условия*, при которых события произошли, от *причины* этих событий, поэтому историографический язык, в сущности, есть язык ценностей. Позитивисты отвечали, что все формы исследования, включая научное, селективны. Существует «объективный критерий», отличающий, благодаря концептуальному анализу терминов и сопоставлению ситуаций, каузальность от условий. Ценностно-насыщенная (валиативная) историография может быть переведена в ценностно-нейтральный язык. В 1960-е, когда философия науки пришла к заключению, о том что естествознание так же далеко от «объективности», как и знание социально-гуманитарное, гуманитарии были признаны правыми в их критике позитивистского идеала «объективности». Позитивисты, с другой стороны, были правы в том, что не существует четкой демаркационной линии между историографической «субъективностью» и научной «объективностью». Старая догма эмпиризма о том, что можно отдифференцировать «объективное» наблюдение от «субъективного» оценивания канула в прошлое и со временем стала только аналитическим, но не историографическим аргументом в защиту историографической объективности¹.

Обсуждение проблемы *объяснения* началось с работы Гемпеля «Функция общих законов в истории». Согласно идее Гемпеля, история есть не наука, а только *применение* к ней науки. Исходя из этого, он предложил универсальную модель объяснения истории, основная идея которой заключалась в том, что некоторое данное эмпирическое явление объясняется при помощи того, как объясняемое (экспланандум) выводится через логический вывод (дедук-

¹ Rethinking Objectivity A. Megill ed., Duke University Press, Durham and London, 1994.

тивный или индуктивный) из объясняющего (экспланантов). Гемпель продемонстрировал эту модель на примере автомобильного радиатора, показав взаимосвязь исходных пограничных условий, детерминирующих условий и общих физических (эмпирических) законов: автомобиль оставлен на улице на всю ночь; температура воздуха опустилась ниже 32F (°C), атмосферное давление - нормальное, замерзание воды - при температуре ниже 32F при нормальном атмосферном давлении. Из этих утверждений с помощью логического рассуждения «можно вывести заключение, что радиатор ночью даст трещину; объяснение получено»¹. Модель Гемпеля акцентировала важнейший аспект научного объяснения - связь с законами науки; кроме того, Гемпель обосновал и проанализировал *каузальную модель объяснения* и показал *значимость логики* при процедурах объяснения. Как подчеркнул А. Данто, «мир Гемпеля... был... миром логики, где императивы и приоритеты логического позитивизма были среди его основ, и ... всякий раз, когда вставал выбор между логикой и некоторым другим видом суждения, побеждала логика»².

Идеи Гемпеля положили начало дискуссии, длившейся вплоть до начала 1960-х годов. Она развернулась на страницах «History and Theory», а также резюмировалась в трех антологиях: «Теории истории» Патрика Гардинера, «Философия и история: симпозиум» Сидни Хука и «Философский анализ и история» У. Дрэй³. Ключевыми в ходе этой

¹ К. Г. Гемпель. Функция общих законов в истории // К. Г. Гемпель. Логика объяснения. М., 1998. С. 17-18

² Danto A. The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // A New Philosophy of History. Ed. F. Ankersmit, H. Kellner. Univ. of Chicago press, 1995. P. 82.

³ Дрэй У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. Благовещенск, 2000; Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986.

дискуссии стали идеи: У. Дрэй - о рациональном объяснении в истории; фон Вригта - о телеологическом.

По Дрэйю, задачей историка является изучение индивидуальности и неповторимости каждого исторического события, а не установление общих законов. Указанные события есть результат действия людей, потому что история есть процесс человеческих действий. Отсюда следует, что историческое объяснение есть проблема объяснения совершаемых людьми *действий*. Нельзя утверждать, что Гемпель вообще не касался объяснения действий; но он полагал, что действие в истории объясняется исходя из его внешнего плана'. По Дрэйю же, историк необходимо объяснить и внутренний план действия. Объяснить можно только действия индивидуальных агентов как часть действия социальных групп, что является, по Дрэйю, характерной чертой исторического объяснения вообще. Объяснить какое-либо действие - значит, показать, что оно было разумным (рациональным) при описываемых обстоятельствах. Объяснение должно осуществляться в терминах интенций и планов агента исторического действия, т. к. если поведение человека сознательно, то оно преследует определенные цели. Однако концепция Дрэйя не позволяла выявить логические особенности рационального объяснения как особого

¹ Внешний и внутренний план действия в исторических исследованиях выделил Коллингвуд. «Под внешней стороной события я подразумеваю все относящееся к нему, что может быть описано в терминах, относящихся к телам и их движениям... Под внутренней стороной события я понимаю то в нем, что может быть описано только с помощью категорий мысли» (Р. Коллингвуд. Идея истории. С. 203). Внешний план детерминирован окружающим миром, а внутренний скрыт в психофизиологии индивида. Сегодня по поводу различения внутреннего и внешнего планов действия существует весьма обширная литература. Ряд авторов предлагает даже нервную деятельность квалифицировать как внешний аспект действия.

типа исторического объяснения; кроме того, рациональность действия полисемантическая, поэтому не может служить критерием адекватности исторического объяснения. Да и не всякое действие в истории можно считать рациональным, поэтому сфера применимости этого типа объяснения узка, а сама концепция не применима к объяснению поведения групп людей. Идеи Дрэй были скорректированы теорией интенционального объяснения фон Вригта.

Действие, по Вригту, есть «поведение, к которому применимо подлинно телеологическое объяснение»¹. Вригт выделил две традиции объяснения в истории науки: аристотелевскую, где реализуется телеологическое (финалистское) объяснение, и галилеевскую, где реализуется каузальное (механическое) объяснение. Аристотелевская традиция действует в поле гуманитарного знания, а галилеевская - в естествознании. Научное объяснение - объяснение каузальное, т. е. это подведение индивидуальных случаев под гипотетические общие законы; а телеологическое объяснение есть объяснение в терминах намерений и целей. Детерминация действия людей не может быть выражена в законах, как это утверждает Гемпель. Согласно фон Вригту, проблема состоит в том, чтобы найти теоретическое основание связи действия и его детерминанты. Каузальная связь - связь внешняя, а телеологическая - внутренняя. Внутренний аспект действия есть интенция (акт воли, например), стоящая за внешним проявлением действия. По Вригту, далеко не каждое действие имеет внутренний и внешний план. Например, мыслительная деятельность не имеет внешнего плана, а действие, лишённое интенциональности - не имеет внутреннего: оно становится просто рефлекторным. В истории, по фон Вригту, как правило, реализуется телеологическое объяснение в модели практи-

¹ Вригт Г. Х фон. *Логико-философские исследования*. М., 1986. С. 119.

ческого силлогизма¹. Недостатки модели фон Вригта заключаются в том, что посылки практического силлогизма могут быть истинными, а заключение - нет. Например, человек может понимать необходимость достижения цели, знает, какие действия необходимо совершить для этого, но не совершает их из-за разных причин. Получается, что телеологическое объяснение страдает логической неубедительностью. Важный момент недостатков концепции Вригта, на который указывает, в частности, П. Рикёр, состоит в том, что схема телеологического объяснения является одновременно и схемой интерпретации, и тогда грань между ними стирается². И то и другое имеют весьма схожую структуру и задачи - прояснять смысл события. Без дополнительных уточнений, историческое объяснение сводится к интерпретации. При этом важно еще и то, что люди далеко не всегда осознают идеальный образ будущего и делают правильный практический вывод. Таким образом, Дрэй и Вригт отрицали возможность и необходимость использование научного закона в историческом объяснении, но предлагаемые ими решения не дали удовлетворительных ответов на имеющиеся вопросы.

Проблема объяснения так и не нашла решения в дискуссиях аналитической исторической историологии. Одни

¹ Практический силлогизм имеет следующий вид:

A намеревается осуществить *P*.

A считает, что он не может осуществить *P*, если он не совершит *a*

Следовательно, *A* принимается за осуществление *a*.

Большая посылка - о цели действия или о намерениях (интенциях).

Малая посылка - о связи действия с чем-то, как о необходимом условии его осуществления. Заключение - описание (указание) средств для достижения цели. Посылки и заключение в практическом силлогизме зависят друг от друга. После заключения возможен следующий практический вывод, т. к. изменившаяся ситуация провоцирует серию новых выводов.

² Рикёр П. *Время и рассказ*. Т. 1. СПб., 1999. С. 164.

историки считали, что исторические объяснения должны следовать универсальным законам, подобным законам физических наук (каузальные объяснения); другие полагали, что исторические объяснения должны быть психологическими, описывать мотивы действий людей (телеологические объяснения); третьи апеллировали к культурным императивам, которые вынуждают людей действовать строго определенным образом. Аналитическая историология предложила также *генетические и контрастные* объяснения, отвечающие на вопрос «почему это произошло»; «*базовые*» объяснения, позволяющие получить исчерпывающую информацию о происшедшем событии; *структурные* объяснения, относящиеся к отношению между объяснениями мыслей и действий исторических агентов и объяснениями социальных структур; (структурно-генетическое объяснение); *редуктивные* объяснения, анализирующие изменения внутри социальных структур, обусловленные трансформацией поведения людей, которое и создает эти структуры. По сути дела, тема объяснения остается предметом спора и сегодня, становясь чем-то неизбежным для аналитической историологии¹. Хронологически и концептуально рамки указанной дискуссии условны. Рождаясь в пределах одной теории, релевантные идеи, развиваясь и трансформируясь, обретая новые предикаты и формы существования, становятся источниками новых теорий или новых прочтений старых теорий в новых изменившихся социальных и познавательных ситуациях.

Другим классическим исследованием аналитической историологии стали дебаты о *нарративе*. Нарративисты

¹ Об исторических объяснениях см.: *McCullagh Behan C. The Logic of History/ Putting Postmodernism in Perspective. N. Y.-London, 2004, особенно ch.8, «Historical Explanation».* P. 170-192. О различных теориях объяснения вообще см.: *J. Pitt ed. Theories of Explanations. Oxford University Press, 1988.*

(У. Гэлли, А. Данто, М. Уайт и Л. Минк)' утверждали, что исторические исследования есть рассказы (stories), у которых есть начало, середина и конец. В хороших нарративах каждая часть рассказа ведет к его концу. Соответственно, историографическая селекция событий и их дескрипций реферирует к их будущим следствиям. В соответствии с пониманием собственной сущности как концептуальной и аналитической деятельности, аналитическая историология, исследуя нарратив, анализировала дискурс истории как научной дисциплины. Логическое исследование структуры нарратива вообще и нарративных предложений в частности было тождественно логическому исследованию структуры языка, используемого в исторической науке.

А. Данто предложил изучить нарратив как особый класс предложений - одно из возможных описаний человеческого действия. Он рассмотрел такой жанр исторического повествования, как хроника, где все события собраны вместе и в их порядке ничего нельзя изменить, и предложил ввести фигуру Идеального Хрониста, который мгновенно записывает все происходящее и кумулирует свои записи². При этом становится заметен существенный недостаток хроники: отсутствие одного из классов описаний, а именно - полной истины о событии, которая становится доступной только тогда, когда события *уже* произойдут и эта истина не может быть известна Хронисту; она известна только человеку, живущему в настоящем и говорящем о прошлом, - Историк. Например, предложение «Тридцати-

¹ *Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002; Gaily W. The Historical Understanding // History and Theory. V. III. 1964; см. также: Philosophy and Historical Understanding. Cambridge, 1964; Mink Louis O. Historical Understanding, Brian Fay, E. O. Gilob, R. T. Vann. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1987; White Morton. The Foundations of Historical Knowledge. N. Y., 1965. Об этих авторах см. также: П. Рукёр. Время и рассказ. СПб., 1999. Т. 1. С. 131-203.*

² То же. С. 144-147.

летняя война началась в 1618-м» может написать только историк. Отсюда Данто вывел логическую структуру нарратива, в которой всегда предусмотрена двойная референция: к событию, которое описывается, и к последующему событию. Таким образом, в нарративном предложении всегда присутствуют три времени: прошлое - само событие; будущее - его оценка, и эти два времени составляют содержание высказывания; настоящее - позиция самого нарратора. В отличие от Дрэя и Вригта, Данто акцентировал не интенциональный, а непредвиденный характер человеческих действий, и выявил, что нарратив есть характерная форма объяснения, а самих нарративов может быть много, и все они могут быть истинны.

У. Гэлли попытался восполнить пробел между отдельным повествовательным предложением и нарративом в целом. В связи с этим он предложил понятие *followability* - прослеживание истории¹. Проследить историю, по Гэлли, - значит понимать последовательность действий (что происходит) и объяснять эти действия (почему происходит). История, следовательно, должна сама себя объяснять, т. е. сопрягать случайность и приемлемость. Гэлли обратил внимание историков на важность *сюжета* исторического нарратива, который вызывает интерес читателя. Объяснения в истории помогают увидеть *связь* событий, а понять их *суть* помогает литература, литературные навыки историка. С их помощью историк переписывает историю на основе выявления неожиданного хода исторических событий. Здесь он может апеллировать к телеологическому типу объяснения и конструировать нормальный ход событий.

¹ *Gaily W. The Historical Understanding // History and Theory. V. III. 1964; см. также: Philosophy and Historical Understanding. Cambridge, 1964.*

Луис Минк, один из наиболее инновационных философов истории 60-х - начала 70-х гг. прошлого века, исследуя проблемы отношения истории к естествознанию, исторического понимания, места и роли вымысла в истории, когнитивного статуса нарратива, вместе с Гэлли, Данто и др. сформулировал «ответ» гемпелевской теории охватывающего закона - теорию «конфигуративного понимания». Согласно ей, понять объект - значит поместить его в единый комплекс отношений - нарратив¹. Конфигуративное понимание в истории есть способность историка (или его читателя) одним усилием охватить хронологический поток, сюжет, действие исторических агентов и пр. Действие и событие понимаются как единое целое, связанное сеткой описания. Конфигуративное понимание вневременно; оно стремится разрушить времена нарратива, для того чтобы понять мир как целостность. История - интеллигибельная конфигурация отношений исторических агентов и исторических событий.

В 70-х годах XX века проблемы объективности, объяснения и нарратива так и не нашли однозначного решения в аналитической историологии. Это привело к резкому падению интереса к историографии среди аналитических философов. Работ, посвященных этой проблематике, мало. Среди наиболее заметных авторов - Б. МакКуллах, Пол Рот, Дэвид Кокбёрн, Авиезер Такер и ряд других.

МакКуллах в манере аналитической, или даже неопозитивистской, традиции философствования исследует логику исторического метода. При этом разница между фактом и объяснением расплывается, а авторская интонация незаметно для самого автора приобретает черты герменевтиче-

¹ *Mink Louis O. Historical Understanding. B. Fay, E. O. Gilob, R. T. Vann // Ithaca. N. Y.: Cornell University Press, 1987.*

ского дискурса¹. Но «поскольку МакКуллах отвергает или игнорирует идеалистов, лингвистических релятивистов, феноменологов, диалектиков и герменевтиков, то он и не в состоянии оценить эти направления»², - отмечают рецензенты.

Пол Рот работает с проблемами рациональности в контексте критики логического позитивизма³. Он анализирует некорректность веры в «означающий реализм» («meaning realism») как идеи о том, что, совершая те или иные действия, люди всегда имеют в виду осуществить нечто конкретное. Рот полагает: то, что агент имеет в виду, зависит от интерпретативного контекста вопрошающего, поэтому любая очевидная иррациональность агента есть симптом непонимания ситуации интерпретатором. Из этого и проистекает методологический плюрализм в общественных науках, полагает Рот и резко критикует смешение политики и эпистемологии в идеях Фейерабенда, например.

Кокбёрн занимается проблемами исследования истории, следуя традиции Витгенштейна. Его работу «Другие времена: философские перспективы прошлого, настоящего и будущего» считают весьма серьезным исследованием⁴. С точки зрения Кокбёрна, историки не должны заниматься исследованием памяти, коммеморации и пр., т. к. эти ис-

¹ *McCullagh, C. Behan. The Truth of History. London: Routledge, 1998; McCullagh, C. Behan. Justifying Historical Description. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; McCullagh, C. Behan. The Logic of History: Putting Postmodernism in Perspective. London: Routledge, 2004.*

² *Richard Harvey Brown Positivism, Relativism, and Narrative in the Logic of the Historical Sciences // American Historical Review. № 92. 1987. P. 908-920.*

³ *Roth, Paul A. Meaning and method in the social sciences: a case for methodological pluralism. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1987.*

⁴ *Cockburn, David. Other Times: Philosophical Perspectives on Past, Present and Future. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.*

следования построены на этических, а не на эпистемологических допущениях.

Работа Авиезера Такера «Наше познание прошлого: философия историографии» стала, по мнению целого ряда ее рецензентов и читателей в США, за последнее десятилетие наиболее интересным исследованием в области аналитической философии истории¹. И интерес этот связан не только с любопытными идеями, предложенными и аргументированными Такером, но и с тем обстоятельством, что Такер считает себя наиболее адекватным продолжателем идей Гемпеля, равно как всей аналитической философии историологии. Развивая философию объяснения применительно к историографии, Такер полагает, что «априорная» аналитическая философия (Гемпель и др.), при всей безупречности их методологии, разрушила философию историографии, сделав ее иррелевантной задачам исторического исследования. Целью его книги является поддержка «научной историографии» против «терапевтической ненаучной»: «только... знание прошлого, основанное на научной историографии и на ее философском понимании, может освободить нас» от тирании «до-современности» (pre-modernity). При этом интересно, что Такер уделяет значительное внимание истории самой историографии, что в целом не свойственно аналитической традиции². В фокусе его внимания находятся две основные идеи: исследование концепции «общей причины» в историографии и анализ возможности применения к истории средств математической формализации, в частности - теоремы Байеса³.

¹ *Avieser Tucker. Our Knowledge of the Past: A Philosophy of Historiography. Cambridge - N. Y., Cambridge University Press, 2004.*

² *Ibid. См.: Гл. 2. The History of the History. P. 46-91.*

³ *См. об этом: Кукарцева М, Мегилл А. Философия истории и историология: грани пересечения // История и современность. 2006. № 3.*

В рамках аналитической историологии есть работы, выполненные в феноменологической традиции. Например, монография М. Блума «Континуальность, квантум, континуум и диалектика. Основания логики западного исторического мышления»¹. Следуя идеям Канта и Гуссерля, Блум полагает, что видение исторических событий зависит от/или принимает очертания персонального темпорального опыта. Он рассматривает, каким образом в каждом повторяющемся предложении индивида (историка) отражены по принципу часть-целое структуры желаний, утверждающие что-либо о событии и генерирующие определенный взгляд на событие в общем историческом потоке. *Континуальная логика* (стиль continuity) представляет возрастающую и связную серию событий. Здесь формируется систематический подход ко времени, который может быть выражен в терминах традиции, «линейное время». *Квантум-логика* (стиль quantum) фокусирует внимание на паттернах, целостностях истории, начале и конце событий, чье существование есть продолжение независимости их частей. В определенной мере это тоже хронология, но с акцентом на ее отдельных частях, а не на целом. *Континуум-логика* (стиль continuum) есть скепсис - позиция по отношению к коллективным результатам индивидуальных действий исторических агентов, этот стиль исторической логики можно назвать контекстуальным. Континуум-логика предлагает «головокружительную» индивидуальную свободу, здесь нет общего времени, выстраивается линия пересекающихся и взаимодействующих сущностей и действий - континуум. *Диалектическая логика* есть сложная форма темпоральности, ее иллюстрацией может служить роман Марка Твена

¹ Mark Blum. Continuity, Quantum, Continuum and Dialectic // The Foundation Logics of Western Historical Thinking. N. Y., 2006.

«Жизнь на Миссисипи», где множество мелких каналов между островами создают вероятность того, что, попав туда, невозможно найти выход обратно. История здесь проникает повсюду, она бесконечна. Логика континуальности тоже не отрицает бесконечности истории, но ее развитие может идти в любом направлении. Для диалектика будущее существует только в контексте динамики настоящего, каждый событийный синтез в настоящем должен вести к новым противоречиям и будущим решениями.

Блум пытается показать, что история объясняется не только через внешнюю ситуацию (независимые переменные), но и через особенности восприятия мира самим историком (зависимые переменные). Но в результате история все равно предстает в его концепции как несколько упрощенная модель, имеющая к герменевтике и феноменологии лишь косвенное отношение

В целом, аналитическая историческая эпистемология акцентировала внимание на проблеме объективности исторического исследования, анализе исторического объяснения, его логической структуры и функций, нарратива¹.

Герменевтическая историческая эпистемология возникла из анти-позитивистской ориентации. Основные рефлексии герменевтического понимания истории («дух народа», «мировая душа», «тело нации») стали результатом онтологических философско-исторических идей Дильтея: прежде всего речь идет о специфическом понимании жизни Дильтеем - индивидуальной психической жизни как образа жизни общества и истории².

¹ См об этом: Ф. Анкерсмит. Диллема современной англо-саксонской философии истории // Ф. Анкерсмит. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003.

² В данном отрывке использованы результаты исследования, проведенного в соавторстве с В. С. Тимониным и С. Р. Семеневской.

В становлении и развитии герменевтической исторической эпистемологии большую роль сыграла французская философско-историческая школа. - Р. Арон, П. Вейн, А.-И. Мару¹. По мнению Мару, прошлое есть не более «чем мыслительная конструкция, которая легитимна... но абстрактна и... не является самой реальностью». Реальность есть «человеческое существо, индивидуальность которого единственно настоящий организм»². Своего рода введение в герменевтическую историческую эпистемологию написал П. Рикёр³. Полагаю, что к герменевтической разновидности исторической эпистемологии можно отнести и методологические идеи М. де Серто, о котором немало говорит в своей работе А. Мегилл.

Серто обозначил его понимание круга эпистемологических вопросов историописания в статье «История и структура»⁴. В ней он поставил проблему невозможности «воскрешения прошлого». В ходе своих исследований историк замечает постоянно возрастающую отдаленность объекта своего изучения, его «отсутствии»: «Оно (прошлое. - М. К.) ускользает. Или, скорее, я начинаю замечать, что оно ускользает от меня.

Именно в этот момент ухода прошлого и рождается историк. Именно это отсутствие прошлого и конституирует исторический дискурс»⁵. Серто вводит в историографическую практику понятие «Другого» или «Иного», в котором

обнаруживает дистанцию между собой как историком и объектом своего исследования. Именно эта временная дистанция, по мнению Серто, как раз и позволяет не воспроизводить прошлое в том виде, в каком оно существовало. Это просто невозможно - в диалоге с прошлым реконструировать его в форме, максимально приемлемой для настоящего. «Старый мир прошлого не двигается сам. Прошлое не стоит на месте. Это мы сдвигаем его с места»¹. Дистанция с прошлым не мешает реконструкции этого прошлого. «История предоставляет настоящему свое собственное пространство путем "маркировки" прошлого - выделения места тому, что уже мертво. Успешная роль истории состоит в том, что она позволяет практике определять себя по отношению к "другому", к прошлому»².

Де Серто предложил концепцию «историографической операции» как сочетания трех взаимосвязанных паттернов: 1) история как *социальный продукт*. «Любая доктрина, отбрасывающая свое отношение к обществу, абстрактна... Научный дискурс, не говорящий об отношении к обществу... перестает быть научным. Отношение к социальному статусу - центральный вопрос для историка»³; 2) *история как практика*. История всегда опосредована историографической техникой, соотношением между документом и его реконструкцией, между предполагаемой реальностью и способом ее интерпретации; 3) *письмо истории или «история как письмо»*. Серто располагает эпистемологическое пространство, определяемое историческим письмом, между наукой и вымыслом. Он отрицает альтернативу, согласно которой история либо отказывается от повествования

¹ Р. Арон. Введение в философию истории. М., 2000. С. 215—499; Вен Поль. Как пишут истории: Опыт эпистемологии М., 2003; Marrou H.-Ir. De la connaissance historique. Paris: Seuil, 1954.

² Marrou H.-Ir. De la connaissance historique. Paris: Seuil, 1954. P. 177.

³ См. об этом: П. Рикёр. Время и рассказ. СПб., 1999. Т. 1-2; Он же. История и истина. СПб., 2002; Он же. Память, история, забвение. М., 2004.

⁴ Michel de Certeau. Histoire et structure // Recherches et débats. Paris, 1970. P. 168.

⁵ Ibid. P. 168.

¹ Michel de Certeau. Histoire et structure // Recherches et débats. Paris, 1970. P. 173.

² M. De Certeau. Entretien avec J. Revel, Politique-aujourd'hui. Paris, 1975. P. 66.

³ M de Certeau. L'écriture de l'Histoire. Paris, 1975. P 70.

и сохраняет статус научности, либо, отказываясь от научности, сохраняет статус повествования как вымысла. Он видит историю как *сплав науки и мифа*. По его мнению, задача историка заключается в том, чтобы свести к минимуму ошибки текста, выявить ложное, разрушить фальсификацию, но отдавать себе отчет в том, что не существует окончательной и бесповоротной истины в воспроизведении прошлого. Центральное внимание в своих исследованиях по методологии исторического познания Серто уделяет вопросу прочтения текстов прошлого. Сам он выявляет три взаимосвязанных страта изучения источников: понимание существования непреодолимой дистанции между ними и исследователем («путь очищения»); выявление логической структуры источников («путь озарения»); герменевтическое толкование «Другого» как объекта исследования, («опыт соединения»).

В целом, герменевтическая историческая эпистемология акцентировала необходимость для исторического исследования *интерпретации* текстов прошлого; ее основной метод - *реконструкция* прошлого, основная парадигма исследования - *интеллектуальная история*.

Так же, как и герменевтическая историческая эпистемология, *идеалистская* возникла как реакция на позитивизм. Наиболее важный вклад в дело ее создания внесли Б. Кроче, М. Оукшот и Р. Дж. Коллингвуд¹. Поздним образцом идеалистской исторической эпистемологии стала книга Леона Голдстейна «Историческое познание»².

Коллингвуд рассмотрел отличия природного процесса как последовательности событий («термины тел и движе-

¹ Оукшот М. Рационализм в политике. М., 2002; Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998; Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

² Goldstein L. J. Historical Knowing. 1876.

ния» - внешнее) от процесса исторического - последовательности действий человека в прошлом («термины мысли» - внутреннее). В исследовании действий историк акцентирует их внутреннюю сторону, поэтому *история есть история мысли*. Историк проникает во внутренний мир исторических агентов, действия которых он изучает, рассмотрение же внешней стороны действия только подтверждает результат исследования. Коллингвуд предложил концепцию «*априорного воображения*», как воображения того, что нельзя представить, но что обязательно имеет место. Внутренний мир исторического агента дан познающему субъекту в воображении. Воображение создает исторические конструкции и является средством исторической критики, что и делает историю своеобразной комбинацией искусства и науки. Прошлое познается в результате «*переигрывания*» или «*воспроизведения*» (опыта, мыслей исторического деятеля) в сознании историка. Познание акта мысли другого означает ее повторение в себе, и это повторение является интегральной частью исторического познания. Воспроизводится не единичный мыслительный акт со своим специфическим контекстом, а то общее, что у него есть с другими актами мысли, что и дает картину истории. Мысль субъективно-объективна: субъективность заключена в ее контекстуальности, а объективность — в способности укорениться в чужом сознании так, чтобы чужие идеи могли стать органической частью душевной жизни историка. Эти стороны мысли делают возможным историческое познание, чьим объектом становится мышление.

Заметно пересечение идей Коллингвуда и Дильтея. Оба исходили из идеи о том, что, для того чтобы понять, например, любовное томление средневекового рыцаря, необходимо научиться участвовать в его «форме жизни», вчувствоваться в нее, проникнуть во внутренние связи между идеями и социальными отношениями, актуальными для

данного общества. Дильтей называл это «переживанием», «вчувствованием», а Коллингвуд - «пере-игрыванием». Дильтей выработал понимание истории как плюрализма ее смысловых интерпретаций и тем самым отверг возможность объективной истории. Коллингвуд старался отойти от субъективизма Дильтея, но так и не сумел сделать этого до конца.

В целом, идеалистская историология отличается от герменевтической двумя вещами: во-первых, она фокусирует внимание на *действиях*, совершенных в прошлом, поэтому она реализует *политическую историю*. Например, Кроне рассматривал историю как «мышление и действие», полагая, что в истории не нужны биографии, т. к. важны не сами люди, а их дела. Человек есть символ истории и своих деяний в ней. Интересно, что, в отличие от Коллингвуда, Кроче попытался возродить в истории принцип объективного идеализма, считая, что субъективная эстетическая интуиция, на которой основывается историческое знание, есть основная форма активности бесконечного саморазвивающегося мирового Духа. Отсюда следует, что только настоящее имеет смысл, потому что Дух воспроизводит прошлое через призму настоящего. Кроче полагал, что история, будучи конструктом настоящего, есть современная история, а коллингвудово «пере-игрывание» есть передумывание нас в настоящем. Оукшотт также считал, что прошлое истории есть «безвозвратное настоящее», даже если в данный момент оно не имеет практического, или вообще никакого, значения. Прошлое есть просто настоящее, т. к. оно является частью нашего коллективного опыта, а он всегда в настоящем.

Во-вторых, идеалистская историческая эпистемология стремится рассматривать историческое исследование как *конструкцию* прошлого. По мнению Оукшота, работа историка заключается не в открытии или интерпретации, а в

созидании и конструировании¹. Для герменевтической исторической эпистемологии такой взгляд на вещи был бы слишком субъективным: для нее прежде всего необходимо найти и *описать* прошлое, вступить с ним в диалог.

Нарративно-лингвистическая историческая эпистемология выросла из исследования природы нарратива аналитической исторической эпистемологией, холистском акценте герменевтической, подчеркивании идеалистской исторической эпистемологией метода конструктивизма. Но она имеет и другие источники: поэтику и литературную критику периода после Второй мировой войны, обратившихся к древней риторике; методику прочтения текстов постструктуралистской философией и исследования в области философии науки конца XX века, а именно - разрушение фундаментального допущения предшествующей мысли о том, что между естествознанием и социально-гуманитарным знанием пролегает непреодолимая граница. Нарративно-лингвистическая историческая эпистемология была основана литературным критиком Р. Бартом и историком и культурным критиком Хайдемом Уайтом². Важны

¹ М. Оукшотт. Деятельность историка // Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. С. 128-152.

² Roland Barthes. Introduction to the Structural Analysis of Narratives // Image, Music, Text. Trans. Stephen Heath. N. Y., 1977; Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003; Он же. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994; Mink L. Historical Understanding V. Fay, E. Golob, R. Vann, ed. Ithaca, N. Y: Cornell University Press, 1987; White H. Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth - Century Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973; Ibid. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987; Ibid. Figural Realism. Studies in the Mimesis Effect. Baltimore: Johns Hopkins University press, 1999; русск. изд.: Х. Уайт. Метаистория: историческое воображение в 19 веке». Екатеринбург, 2003.

работы Ф. Анкерсмита, Ст. Банна, Х. Келлнера, Л. Госмана, Ф. Каррарда. В трудах Барта вопрос об историческом объяснении был взят в скобки, а приемы риторики были рассмотрены как способы создания наиболее фикциональных текстов. Хайден Уайт - один из самых интересных и одновременно спорных исследователей исторической теории XX века. Он высоко оценил идеи Барта в области историописания, полагая его «наиболее изобретательным критиком своего времени... наиболее близким себе мыслителем»¹. Л. Минк, начинавший свои исследования истории в контексте идей Гэли и Данто, а также его книга о Коллингвуде, оказал на формирование концепции исследования истории Уайта огромное значение.

Уайт сформулировал концепцию «риторической диалектики», предложив ее первый вариант в раннем эссе «Время истории»², где он выступил как историк, как философ и как литературный критик.

Проблема, из необходимости решения которой исходил Уайт, заключалась в том, что вплоть до XIX века история в целом рассматривалась как специфический вид литературы. Общее утверждение заключалось в следующем: история должна сообщать истину и просвещать человечество. Под истиной понимались не столько факты, сколько моральные поучения. Многие историки XIX века (Карлейль, Мишле, Буркхардт) рассматривали историю как риторический, литературный или эстетический проект, а многие литераторы (В. Скотт, О. Бальзак, Э. Золя) настаивали на понимании литературы как исторического, социологического и научного предприятия. Отличия истории от литературы и возможности эстетического подхода к истории комменти-

¹ White H. Encounters. Philosophy of History after Postmodernism Ewa Domanska. Charlottesville and London, 1998. P. 32, 34.

² White H. The Burden of History // History and Theory. Vol V. 1966; см. также его работу: Tropics of Discourse Baltimore, 1978. P. 27-50.

ровали У. Оделотт, Б. Кроче и З. Красауэр¹. Оделотт исследовал проблему вымысла в истории, возникающую вслед за пониманием истории как вида литературы. Кроче рассмотрел «новую фикционную форму», которую он назвал «поэтической историей», где эстетическая связность делает возможной связность логическую. Красауэр обращался к «подражательной трансформации» и «гармонизирующей тенденции», вовлеченной в «эстетический подход» к истории. В то же время теоретическая позиция немецкой исторической школы, выраженная в утверждении Ранке «Wie es eigentlich gewesen ist» («показать так, как это было на самом деле») предлагала концепцию истории как формулы научного исследования. История понималась как коллективное предприятие, объединяющее историков на почве сообщения одной всеобщей, но пока еще не рассказанной до конца, истории. Далее Р. Коллингвуд сформулировал 3 пункта, отличающих историю от литературы: история должна быть локализована в пространстве и времени; она должна быть непротиворечивой; должна опираться на свидетельство². С этого момента споры о сущности истории практически не утихали³.

В своем эссе Уайт подчеркнул сложность положения историка, который должен соответствовать и суровости естествознания, и образным возможностям литературных работ. «Время историков в наше время заключается в том,

¹ Aydelotte W. The England of Marx and Mill as Reflected in Fiction // Journal of Economic History. № 8. P. 42-58; Kracauer S. History: the Last Things before the Last. N. Y., Oxford University press, 1969, reprinted 1995.

² Коллингвуд Р. Идея истории. С. 233-234

³ См об этом, например: Савельева И. М., Полетаев А. В. Специфика исторического познания // История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 57-72; Они же. Знание о прошлом: история и теория: В 2-х т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.

чтобы восстановить честь исторических исследований на основе того, что делает их совместимыми с целями и задачами интеллектуального сообщества в целом; т. е. преобразовать исторические исследования таким способом, чтобы позволить историку позитивно участвовать в освобождении настоящего от *бремени истории*¹. Уайт полагал, что историк в своей работе должен занимать, прежде всего, определенную этическую позицию, но его должна интересовать не специфическая связь настоящего и прошлого, а разрывность, дисконтинуитет, хаос. История должна осмыслить эти феномены с помощью и современного искусства, и современной науки. В этих положениях заключалась *программа* преобразования историографической практики, изложенной в эссе «Бремя истории». Реализована она была в фундаментальной работе Уайта «Метаистория: историческое воображение в XIX веке».

Эта работа состоит как бы из несколько книг в одной.

Первая - краткое изложение основных положений теории исторической работы, вторая - размышления о специфике философии истории XIX века, третья - о специфике собственно исторического исследования в XIX веке². «Я полагаю, что то, что историки производят, есть, прежде всего, воображаемые образы, которые функционируют более, чем воспоминание прошлых событий в чьем-то от-

¹ White H. The Burden of History // History and Theory. P. 130.

² Уайт составил пять уровней концептуализации исторического материала: хроника, повествование, четыре типа сюжетности (эстетика), четыре типа объяснения (наука), четыре типа идеологии (этика), четыре типа тропологических моделей. Последние - метафора, метонимия, синекдоха и ирония. Специфическая комбинация типов сюжетности, научного объяснения и идеологической импликации составляет историографический стиль, который подчинен тропологической модели. Выбор модели обусловлен индивидуальной языковой практикой историка. Когда выбор осуществлен, воображение историка готово к составлению нарратива.

дельном воображении. Поэтому я подчеркиваю подзаголовок моей книги - "историческое воображение"¹. Уайт считает, что в XIX веке история понималась как особое направление мышления, а историческое сознание - как узкая, хотя и относительно автономная область научных исследований в широком спектре гуманитарных и естественных наук. Апеллируя к риторичности языка истории и утверждая общность задач истории и литературы, он создал новую концепцию философии истории - концепцию «эстетического историзма» или литературизации историописания. Эта концепция стала мощным вторжением риторики (тропологии, в терминологии Уайта) в историографические дебаты начала 70-х, имеющим целью изменить привычную манеру чтения книг по истории. «Метаистория» размывала границы между различными сферами знания, что указывает на поворот в исследованиях истории Уайтом в сторону постмодернизма.

В следующей работе - собрании эссе под общим названием «Тропики дискурса» идея тропологии становится для Уайта главным объектом исследований. Вместо понятия риторики, столь активно вовлекаемой в историческое исследование в «Метаистории», - новое понятие тропики. Впрочем, слово «вместо» достаточно условно; скорее, речь идет о новом понимании риторики. *Тропикой*, как континууме логики, поэтики и диатактики, Уайт назвал свою теорию дискурса. «Каким образом тропы функционируют в дискурсах гуманитарного знания - есть предмет исследования в этих эссе, и поэтому я и назвал их так», - пишет он². Под дискурсом Уайт понимает движение мысли «назад и вперед» и подчеркивает, что это движение может быть

¹ Domanska E. Encounters: Philosophy of History after Postmodernism, Charlottesville. Univ. Press of Virginia, 1998. P. 34.

² White H. Tropics of Discourse Baltimore, 1978. P. 2.

до-логично, алогично и диалектично. Как до-логическое оно маркирует определенную сферу опыта в целях ее последующего анализа с помощью логики. Как алогичное оно имеет цель деконструировать уже имеющиеся концептуализации данной области опыта, которые блокируют свежие восприятия вещей или отрицают в интересах формализации новые эмоции. А вот вместо диалектики Уайт предлагает использовать слово *diatactical*, что означает самокритичность дискурса, ироничность по отношению к себе и невозможность руководствоваться только логикой. Дискурс для Уайта есть процедура понимания как процесс превращения незнакомого в знакомое. «Этот процесс понимания в своей сущности может быть только тропологическим», - утверждает Уайт¹. В эссе этого собрания Уайт предлагает новую методологию исторических исследований. С его точки зрения, все тексты без исключения прежде всего есть тропологический выбор историка в виде 4-х троп - метафоры, метонимии, синекдохи и иронии. Изобразительная природа фигур выражения языка предшествует теоретическим понятиям, язык не просто осуществляет инструментальную функцию в соответствии с интенциями автора, но фигуры языка всегда бессознательно фиксируют возможности осмысления этих интенций.

В целом работа Уайта «Тропики дискурса» прежде всего нацелена на изучение исторической теории и репрезентации, но в действительности его подход намного шире. Уайт полагает, что теория тропологии может успешно классифицировать такие социальные дискурсы, как дискурсы войны, мира, сексуальности, искусства; а также проникнуть и в типологию понимания, что позволит успешно соотносить различные дискурсы со стратегиями конституирования реальности в мышлении.

¹ *White H* Tropics of Discourse. P. 5.

Другая работа Уайта, «Содержание формы», означала новый поворот в его исследованиях - поворот к нарративу. Но все-таки нет сомнений в том, что теория нарратива Уайта тесно связана с тропологией, что нарратив является одним из кодов тропологии. Означенный поворот углубил и гуманизировал теорию тропологии, которая до этого казалась несколько натянутой и безжизненной. Центральная функция нарратива в историописании, согласно Уайту, не эпистемологическая, не репрезентационная, а моральная и политическая. Нарратив есть инструмент для обозначения смысла того мира, в котором мы живем. Он придает непрерывность и целостность историческому повествованию, он - политическое предприятие; в нем важны не сами события, а то, что люди говорят о них, сущность событий - в этом заключается главная идея книги Уайта. В таком случае «отрицание нарративной способности или отрицание нарратива равнозначно отсутствию или отрицанию самого смысла»¹. События истории неповторимы в виде дефиниций, и они могут быть изучены не эмпирически, а только другими, неэмпирическими, методами. «Литературная форма исторического повествования до недавнего времени казалось внешней его оболочкой, природа которой не затрагивает самого его существа. Теперь становится все более ясным, что дело обстоит не так просто. Форма дискурса, в которую отливают изложение исторического материала, теснейшим образом связана с принципами его осмысления. Эта форма отнюдь не "невинна"; она подчас, помимо воли сознания исследователя, во многом определяет само содержание создаваемого им текста»², - подчеркивал А. Гуревич. Нарратив раскрывается как чрез-

¹ *White H*. The Content of the Form P. 2.

² *Гуревич А. Я.* Апории современной исторической науки // Одиссей, 1997. С. 247.

вычайно эффективная система производства смысла, благодаря которой люди имеют возможность получить пусть воображаемое, но истинно-значимое отношение к социальным структурам, в которых они живут. Эта теория дает возможность понять социальную реальность как историю. Нарратив может быть наполнен различными содержаниями, предшествующими любой их актуализации в речи или письме. «Именно это "содержание формы" нарративного дискурса в историческом мышлении и исследовано в эссе данной работы», - пишет Уайт¹.

Последняя книга Уайта «Фигуральный реализм» является дальнейшим исследованием обозначенных им проблем². Понимание нарратива, предложенное Уайтом, будучи высоко оцененным многими исследователями, все же столкнулось с весьма ожесточенной критикой. В рецензии на работу Уайта «Содержание формы» У. Дрэй, например, признав безусловную значимость и оригинальность теории нарратива, все-таки посчитал ее «прагматической теорией истории», предполагающей «редукцию истории к статусу политической пропаганды, что совершенно недопустимо»³. Картография основных троп исторического мышления и структуры традиционного крупномасштабного сюжета, одновременно свойственные и фикции и истории, оскорбила, например, тех людей, которые считали, что фикцию и вымышленную безнравственность Уайт слишком близко поместил к исторической действительности Холокоста. «Я не думаю, что обвинение справедливо, но я, конечно, вижу серьезность этого», - пишет в этой связи Н. Парт-

¹ White H. The Content of the Form. P. XI.

² См. об этом: *Uaim X.* Фигуральный реализм в свидетельской литературе // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2006. №2.

³ Dray W. H. Review of Hayden White «The Content of the Form» // History & Theory. № 27. 1988. P. 287.

нер¹. Отвечая на критику, Уайт признал бесспорной необходимость ограниченного дискурса в отношении подобных исторических событий, а именно - отрицание буквальности. Для этого Уайт выбрал в грамматике древнегреческого языка особую языковую форму - средний залог - как возможный способ уклониться от нежелательного вторжения субъекта в действие (событие), которое он хочет репрезентировать². Репрезентирование прошлого в терминах среднего залога не есть репрезентация в обычном смысле этого слова: это репрезентация, позволяющая прошлому говорить самому. Этим приемом Уайт стремится сохранить подлинный образ Холокоста и как исторического события, и как исторического «товара»³.

Исследования Уайта являются одним из оснований нарративно-лингвистической историологии. В ее рамках, свя-

¹ См. материалы XIX конференции историков. Австралия, июнь, 2005.

² Вообще, концепцию среднезалогового письма ввел в обращение современных литературных и философских теорий в 1966 году Р. Барт. Это было понято и принято далеко не всеми и полностью не признано литературоведением и философией до сих пор. Ж.-П. Вернан полагал, что средний залог вымер в большинстве современных западно-европейских языков потому, что в древней Греции не было ясно выраженной языковой и философской категории воли, желания, самости, а в западном мире эта категория стала доминирующей.

³ White H. Historical Emplotment and the Problem of Truth in Historical Representation // Figural Realism. P. 27-42. В целом, литература о Х. Уайте огромна. Наиболее полную библиографию его трудов можно найти на сайте: <http://www.pre-text.com/ptlist/white.html>, а исследования его творчества - в Contemporary Literary Criticism. V. 148. 2002. Весьма важным исследованием творчества Уайта является докторская диссертация Х. Пола «Маски значения: экзистенциальный гуманизм в философии истории Хейдена Уайта» Hendrik Jan [Herman] Paul. Masks of Meaning: Existential Humanism in Hayden White's Philosophy of History. University of Groningen, The Netherlands, 2006.

зывается с лингвистическим поворотом в истории¹, можно выделить три главных момента: «*малый*» лингвистический поворот, который фокусирует внимание историка на языке объекта исторического исследования, примером чему служит так называемая «история снизу» (history from below, в немецкой традиции «Geschichte von unten»); *риторический* лингвистический поворот, фокусирующий внимание на использовании риторики в историописании; и *нарративный* лингвистический поворот - переосмысление сущности и функций исторического нарратива.

Малый лингвистический поворот, или «история снизу», есть попытка реконструкции жизненного опыта людей прошлого. Проблематика «истории снизу» начала формироваться в конце XIX века, когда резко возрос интерес социально-гуманитарного знания вообще к социальной и экономической истории. В самой исторической дисциплине «история снизу» возникла как реакция на традиционную историографию, интересовавшуюся, главным образом, проблемами «большой» политики и историей социальных элит. В 1966 году вышла известная статья Э.Томпсона «История снизу», от которой и можно начинать официальный отсчет этого жанра исторических исследований¹. В качестве базовой теории значительная часть адептов рассматриваемого вида истории использовала марксизм. Однако, в отличие от последнего, где непосредственная исто-

¹ См. об этом: Clark E. History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn. Cambridge, MA and London, Harvard Univ. Press, 2004. О некоторых эпистемологических проблемах лингвистического поворота см., например: Кукарцева М. Эпистемологические проблемы лингвистического поворота в историографии // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С. 110-130; Она же. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44-55.

² Thompson E. P. History from Below // The Times Literary Supplement. № 7. April 1966. P. 279-280.

рия «простых людей» замещалась историей рабочего движения и историей социальных институтов, в центре «истории снизу» находится сам «маленький» человек. Особый вклад в формирование «истории снизу» внесла школа Анналов, анализу которой посвящено немало страниц настоящего издания. Историки этого направления обозначили тот исследовательский механизм, в котором возможно создание «истории снизу». Образцами «истории снизу» могут служить труды, которые обычно ассоциируются с историко-антропологическими изысканиями, такие как «Возвращение Мартена Гера» Н. Земон Девис или «Монтайю, окситанская деревня» Э. ле Руа Ладюри, в которых жизнь интерпретируется на основе опыта человека, а история - на основе прослеживания жизни. А вот история Гинзбурга о Меноккио абсолютно нетипична для «истории сш&у», т. к. его задачей было воссоздание не ментальное^{TM} и повседневной жизни крестьянской общины, а духовного мира и системы ценностей конкретного человека'. «Исто-

¹ Сам проект написания «истории снизу» сталкивается с целым рядом трудностей. Во-первых, проблема репрезентативности, вытекающая из необходимости рассмотрения множественных контекстов, в которые включен человек прошлого. Здесь каждый индивидуальный случай может по-разному прочитываться в зависимости от ракурса исследования. Чем глубже в прошлое пытается проникнуть историк, работающий в парадигме «истории снизу», тем более ограниченным оказывается круг источников, на который он может опираться. Некоторые периоды вообще при этом могут выпадать из поля зрения. Во-вторых - проблема концептуализации. Где находится это самый «низ»? Дать четкое определение понятию «народная культура» весьма сложно, поскольку сам «народ» (по крайней мере, если говорить о времени после XVI столетия) представляет собой весьма дифференцированную группу, разделенную по экономическому, тендерному и др. признакам. Эти соображения делают универсализацию понятия «низ» весьма сложной задачей. Критики упрекают «историю снизу» и в том, что она «размывает», «дефрагментирует» настоящую историческую науку. Она действительно погружает читателя в море мелочей, иногда неоправданно настойчиво акцентирует

рию снизу» можно считать началом лингвистического поворота в историческом знании еще и потому, что ее исследователей во многом интересует язык, на котором говорят их герои, стилистика языка людей прошлого, т. е. характерные особенности речи различных социальных групп (что пересекается с проблемами социолингвистики). На основании изучения этих особенностей можно вывести «значение» тех или иных исторических событий.

Идеи *риторического* поворота как исследование стилистики литературных текстов, своего рода исследование функций особенностей речи в контексте речевого целого, сформировались в лингвистическом повороте под влиянием работ Х. Уайта «Метаистория» и «Тропики дискурса». А вообще возрождение риторики в социально-гуманитарном знании связано со многими факторами; такими, например, как развитие лингвистической философии и возникновение постмодернизма. Риторика рассматривается в контексте эпистемологии, морали, роли дискурса и социальных изменений вообще, риторика и масс-медиа и пр.¹ Риторика рассматривается и как методология исторических исследований и шире - как методология социальной эпистемологии вообще.²

Риторический поворот в историописании инспирировал новый круг дебатов в философии истории и в самой истории вокруг дистинкции «история - наука или искусство?».

внимание на специфике произношения слов в исследуемой эпохе, так что возникает опасность сужения истории до калейдоскопа картинок из быта маленьких людей.

¹ См. например: *A Reader, J. Lucaites, C. Condit, S. Caudill, ed. Contemporary Rhetorical Theory.* N. Y.-London, 1999.

² *J. Nelson, A. Megill, L. McCloskey, ed. The Rhetoric of the Human Science (Language and Argument in Scholarship and Public Affairs).* Univ. of Wisconsin Press, 1987; см особенно: *A. Megill, D. McCloskey. The Rhetoric of History// The Rhetoric of the Human Science.* P. 221-238.

акцентировал понятие *сюжета (plot)* в исторических исследованиях. «Сюжет создает значение. Герои созданы сюжетом: Разум в Просвещении, вера в Средние века, пролетариат в Новое время. Все они - функции сюжета, они появились для того, чтобы события случились... Вещь может быть представлена в самом разном развитии сюжета»¹.

Согласно основным положениям сторонников риторического поворота, множественность и диверсификация объектов делают историю ближе к литературе. Историческим текстам требуются такая же аранжировка, стилистика и риторика, как и текстам литературным. Тем и другим одинаково свойственно и многообразие моделей репрезентации. Как в литературных текстах заключена истина, так и в исторических - вымысел. Следовательно, история есть литература. Факт возрождения литературы в историописании был принят историками неоднозначно. С одной стороны, это вызвало восторг ряда историков, с другой - «повергло исторические исследования в затяжной эпистемологический кризис. Оно поставило под сомнение нашу веру в неизменное и доступное определению прошлое, скомпрометировало возможность исторического отображения и подорвало нашу способность определять себя во времени», - считает, например, Д. Харлан².

Некоторый интерес в этой связи представляет разрабатываемый Стивенем Гринблаттом и рядом других исследователей «новый историзм» в литературной критике, который имел тенденцию стирать границы между литератур-

---

¹ *H. Kellner. Encounters // Philosophy of History after Postmodernism.* Ewa Domanska Univ. Press of Virginia. 1998. P. 42-43.

² *Harlan D. Intellectual History and the Return of Literature // AHR.* Vol. 94. 1989, P. 88. Цит. по: *Роже Шартье. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей, 1995. С. 191.*

ным и историческим анализом¹. При всей спорности методологии «нового историзма» применительно к историческим исследованиям, он тем не менее еще раз показал, что литература обращает внимание историков на риторику, стиль исторического исследования, предлагает инструктивный репертуар различных эстетических моделей репрезентации.

Все эти моменты исторической работы и стали предметом исследования в риторическом повороте.

Нарративный поворот в лингвистических исследованиях истории акцентировал понятие *emplotment* - способ построения сюжета в нарративе и привлек внимание к самому феномену исторического нарратива. В исследованиях исторического нарратива можно выделить по крайней мере шесть направлений анализа, сформированных в 70-80-е годы XX века. *Аналитическое* (Уолш, Гардинер, Дрэй, Гэлли, Мортон Уайт, Данто, Минк) - анализирующее эпистемический статус нарратива и акцентирующее его объяснительную функцию в истории; *«анналистское»* - представленное школой Анналов (Бродель, Фюре, Ле Гофф, Леи Рой Ладюри и др.), рассматривающее исторический нарратив как не-научный способ изложения истории; *постструктуралистское* - его представляют литературные теоретики и философы (Барт, Фуко, Деррида, Тодоров, Кристева, Бенвенист, Дженетте, Эко) и для них нарратив есть один из множества «дискурсивных» кодов, который (может или не может) быть применим к репрезентации реальности; *герменевтическое* понимание нарратива, предложенное Гадамером и в деталях разработанное Рикером, который понял нарратив как темпоральный дискурс особо-

¹ Краткий обзор см.: The New Historicism Reader, ed. N. Aram Veaser. N. Y., 1994; См. также: X. Уайт. По поводу «нового историзма» // НЛО. № 42. 2000; Смирнов И. П. Новый историзм как момент истории // НЛО. № 1 (47). 2001. С. 41-71; см. также: Кукарцева М., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность, 2006. № 3. С. 40-42.

го рода; *доксографическое* - исследование нарратива как доксы, мнения (doxa), такими историками, как Хекстер (нарратив как совершенный способ «делать» историю) и Джефри Элтон (нарратив как «практика» истории); *семиологическое* - предложенное Уайтом, как способ придания миру смысла, поиска значения.

Ф. Анкерсмит в работе «Нарративная логика» предпринял попытку исследования логических механизмов исторического нарратива¹. Книга Анкерсмита сложная, в ней излагается предложенная им теория исторической интерпретации как теории «бельведера» («belvedere» theory). Это первая большая работа Анкерсмита, теоретически чрезвычайно плотная, насыщенная оригинальными идеями. Центральная категория Анкерсмита - narration (нарративность) - «получившая широкое определение форма, которая содержит множество специальных моделей дискурса... Три темы нарративной логики таковы: 1) нет никаких правил для трансляции реальности; 2) narratio существует скорее как целое, чем как сумма его нарративных предложений; narratio является нарративной субстанцией и дает нам интерпретацию прошлого; 3) существует сходство между историческими и метафорическими утверждениями. ... Дано не "прошлое", но наше понимание нарративных субстанций, которое имеет нарративную структуру...»².

Вообще, по поводу исторического нарратива издано огромное множество литературы³. При этом возрождение интереса к нарративу в лингвистическом повороте и в историописании вообще было омрачено глубоким убеждением многих историков и философов в его (нарратива) эпи-

¹ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. М., 2003.

² H. Kellner. Language and Historical Representation. P. 311-312. См. также: McCullagh. Review F. Ankersmit. Narrative Logic // History and Theory. № 23. 1984. P. 394-403.

³ См. об этом: W. Martin Recent. Theories of Narrative. Cornell University press, 1986.

стемологической несостоятельности. Как показывает Мегилл, Франсуа Фюре в работе «От нарративной истории к истории проблемно-ориентированной», утверждал: «...возможно обвальное падение нарративной истории»¹. Нарратив, полагал он, несостоятелен и логически и эпистемологически, т. к. «особый тип логики нарратива - *post hoc, ergo propter hoc* - не лучше подходит для нового типа истории, чем такой же традиционный метод обобщения от единичного»². Это же заметил и Р. Барт³. Он предположил, что нарратив следует своей специфической логике, заставляя рассматривать то, что происходит «после» *X* как «причиненное» *X*. Мегилл считает, что нарратив имеет четырехчленную матрицу - *дескрипцию* некоторого аспекта исторической реальности, *объяснение* некоторого аспекта исторической реальности, *аргументированность* или *обоснованность* предложенного вывода, *интерпретацию* фрагмента прошлого. В зависимости от целей исторической работы на первый план выдвигается какая-то одна из частей нарратива.

В целом, в рамках нарративно-лингвистической исторической эпистемологии существует множество подходов, подчеркивающих: конструктивную роль аранжировки исторической работы (ее диспозицию в нарративе); роль тропов или стилистики в исторической работе; четкость формулировки авторских интенций или убедительность последних для аудитории. Сама же эта модель исторической эпистемологии прочно ассоциируется с четырьмя вещами:

¹ *Francois Furet. From Narrative History to Problem-oriented History // Furet. In the Workshop of History / Trans. Jonathan Mandelbaum. Chicago, 1982. P. 54-67.*

² *Furet. From Narrative History to Problem-oriented History. P. 57.*

³ *Ролан Барт. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 207.* Утверждения Барта есть интенсификация идей Аристотеля, высказанных в «Поэтике», о том, что есть большая разница между вещами, случившимися *propter hoc* и *post hoc*.

постмодернизмом, семиотикой, деконструкцией и нарративом. Пик их востребованности и популярности в философско-историческом и собственно историческом знании уже в значительной мере прошел¹. Постмодернизм сменил ситуацией пост-«post-mo»; семиотика сохраняет значение только как область эпистемологических исследований референциальных отношений язык/мир; деконструкция требует от историка слишком «чувствительного для него философского слуха» и огромной меры литературной образованности, и только нарратив остался наименее спорным элементом, потому что глубоко вписан в лингвистические и познавательные структуры человека, имеет (обманчиво) беспристрастную форму, граничит с литературной теорией².

В ситуации пост-«post-mo» историческая эпистемология, конечно, продолжает развиваться, но иными путями. Анализу наличной ситуации был посвящен отдельный выпуск сборника статей журнала *History and Theory*³. Общую идею этого анализа хорошо выразил Ф. Анкерсмит: «Пришло время изменить объект исследования. Лично мне весьма интересна категория исторического опыта»⁴. Ряд исследователей (Х. Уайт, Х. Келлнер, Г. Иггерс, Ю. Топольски, Й. Рюсен и др.) полагают, что акцентирование внимания на проблеме исторического опыта является фундаментальной точкой зрения для будущего самой исторической дисциплины и для философии истории⁵. В своей

¹ См. об этом, например: *Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей, 1996; Partner N. Материалы XIX конференции историков. Австралия, 2005, июнь.*

² О специфике нарратива см.: *Тюна В. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь, 2001; Критика и семиотика. Новосибирск: НГУ, 2002. Вып. 5; Шмид В. Нарратология. 2003; и др.*

³ *Agency after Postmodernism. History and Theory. Theme Issue 40, Dec, 2001.*

⁴ *Domanska E. Encounters: Philosophy of History after Postmodernism, Charlottesville. Univ. Press of Virginia, 1998. P. 12.*

⁵ *Ibid.*

книге «Возвышенный исторический опыт»¹ Анкерсмит продолжает линию размышлений, начатую в предыдущих работах.² Отправной пункт рассуждений Анкерсмита состоит в том, что нам не следует переоценивать «лингвистический поворот», поскольку существует опасность того, что «претензии лингвистического поворота» начнут «вмешиваться в принуждение опытом». Историк не должен фиксировать внимание только на историческом тексте. Проблема в том, что лингвистический формализм в любой его разновидности может подменять опыт, положительно относясь к одному содержанию опыта и враждебно относясь к другому – так же, как кубизм, например, благоволил прямым линиям и прямым углам, негативно относясь к кругам и эллипсам»³. Анкерсмит сегодня предпринимает «поворот» от языка к опыту, под которым понимает доступный нам опыт прошлого, к которому мы можем приблизиться через осмысление и интерпретацию свидетельств.

Такова вкратце интрига развития исторической эпистемологии, проблемы которой рассматривает Аллан Мегилл в своей книге. Суть же этой интриги в том, по его мнению, что история вернулась к тем же проблемам и вопросам, из которых и исходила, накопив, однако, по ходу дела, весьма солидный теоретический и культурный капитал. Ретроспективный взгляд на этот кумулятивный процесс, предпринятый американским историком, представляет собой ценный источник новых идей и новой информации не только для начинающих изучать историческую дисциплину, но и для профессионалов-историков, а также для специалистов в области философско-исторических исследований XX-XXI веков.

¹ *Ankersmit F. Sublime Historical Experience. Stanford, 2005.* См. об этом: *Кукарцева М., Мегилл А.* Философия истории и историология: грани совпадения. // *История и современность.* 2006. № 2. С. 42–13.

² *Ankersmit F. Historical Representation. Stanford, 2001; Ankersmit F. Political Representation. Stanford, 2002*

³ *Ankersmit F. Historical Representation. Stanford, 2001. P. 71-72.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Я выяснила бы, почему Мартин Герр оставил свою деревню и куда он пошел; как и почему Арно дю Тиль стал самозванцем, дурачил ли он Берtrandу де Роле, и почему он не сумел заставить себе поверить. Это сообщило бы нам новые вещи о сельском обществе шестнадцатого века...

Но это оказалось гораздо труднее, чем я думала....

*Натали Земон Дэвис.
«Возвращение Мартина Гера».*

Простая истина есть та истина, которую часто трудно получить, а полученную легко потерять вновь.

*Карл Р. Поппер.
«Догадки и опровержения:
Рост научного знания».*

ВВЕДЕНИЕ

Потребность в исторической эпистемологии

В прошедшие двадцать пять лет произошли серьезные изменения в том, как историки изучают прошлое. Возможно, наиболее существенным стал поворот к культурной истории. Возвышение новой культурной истории расширило поле зрения историков, обращая внимание на те аспекты прошлого человечества, которые ранее игнорировались или были недооценены. Вспомните, например, «Возвраще-

ние Мартина Герра» Натали Дэвис, историю французской крестьянки шестнадцатого века Берtrandы де Роле, чей муж, Мартин Герр, исчез из деревни и затем, восемь лет спустя, возвратился, казалось бы, став намного лучше. Но возвратился он только для того, чтобы быть разоблаченным как самозванец, когда наконец вернулся *настоящий* Мартин Герр, потерявший ногу на службе в испанской армии¹. Дэвис много рассказывает нам о положении, в котором оказалась Берtrandа, и размышляет о том, что она, должно быть, думала, когда делала свой выбор. На протяжении всей книги Дэвис определяет свои размышления как *предположения*: «возможно», это случилось, люди «должны были так себя вести» или, «вероятно», поступали так в данных обстоятельствах; Берtrandе, «возможно», помогали так и эдак, «возможно», она думала так, «возможно», она принимала ложного Мартина Герра по такой-то и такой-то причине; «в качестве мысленного эксперимента позвольте нам вообразить то, что могло бы произойти», супружеская пара, «вероятно, разработала стратегию» и так далее. Во всех этих случаях Дэвис всегда аккуратно сообщает нам о том, какое свидетельство стало основой для утверждений, которые она делает, и для возможностей, которые она предполагает. Она никогда не обрушивает это свидетельство на нас. Она сообщает нам, почему она думает, что данное свидетельство приводит к тому заключению, которое она формулирует. Она *аргументирует*.

В последние годы, однако, среди некоторых историков обнаруживается тенденция не принимать во внимание ту степень осторожности в выборе свидетельства и аргументации, которую иллюстрирует Дэвис. Нет сомнения, что Дэвис писала, имея в виду идеи американского феминизма второй половины XX столетия. В результате, она задает

¹ *Natalie Z. Davis. The Return of Martin Guerre. Cambridge, MA, 1983; русск. изд.: Н. Земон Дэвис. Возвращение Мартина Герра. М., 1990.*

такие вопросы о сознании французской крестьянки XVI века, которые историки прежде не задавали. Можно, конечно, увидеть в этой книге приверженность ее автора феминизму. Но Дэвис никогда не бывает небрежна в работе со свидетельством и никогда не оставляет непроясненными свои суждения и аргументы. У читателя нет ощущения, что она преувеличивает. Безусловно, «Возвращение Мартина Герра» - изящный нарратив. Посмотрите на него: это - прекрасная история, которая рассказана и неоднократно пересказана, в том числе звездой французского кино Жераром Депардьё в кинофильме 1982 года. Но хотя Натали Дэвис демонстрирует неподдельное восхищение этой историей, она всегда точна в том, каким образом рассказ соотносится со свидетельством. Она обнаруживает, коротко говоря, эпистемологическую осторожность, родственную той, что рекомендует один из основателей западной историографии Фукидид в начале своей «Пелопонесской войны». Без сомнения, Дэвис преследует свой собственный интерес, но ее история не зависит от этого интереса. В ее книге содержатся уроки для настоящего, но они не даны в эксклюзивной форме; нельзя *точно* сказать, каковы они. В целом, «Мартин Герр» - это история, а не что-либо еще. Это попытка добраться до исторической правды. Это - воображаемая конструкция или реконструкция, которую предпринимает Дэвис в надежде дать нам возможность прикоснуться к реальности, отличной от нашей собственной (хотя и подобной ей). Она выполняет свою работу с уважением к правилам - умалчиваемым или явно выраженным - к тому, что я называю исторической эпистемологией¹.

В дополнение к исследованиям, предпринятым в этой книге, я сосредоточу внимание не только на исторической

¹ Эпистемологические подходы Дэвис изложены в ее статье: *On the Lame // American Historical Review. № 93. 1988. P. 572-603.* В ней она отвечает своим критикам.

эпистемологии, но и на историческом *мышлении*. Для того чтобы со знанием дела рассуждать об исторической эпистемологии, необходимо иметь представление о специфике подхода историка к прошлому. Здесь может помочь традиция историописания, которая начинается с Фукидида и его коллеги Геродота. В «Пелопонесской войне», так же как в «Истории» Геродота, любой-Люжет заметить нечто, что красной нитью проходит через всю последующую историческую традицию, отличая ее от традиций философии и науки. Можно дать этому «нечто» разные названия. Я предпочитаю называть это *нерешающей диалектикой* (или, альтернативно, *принципом нерешительности*). Под этими терминами я имею в виду то, что истинный историк, тот, кто предан традиции истории, счастлив оставить свое суждение в пространстве между противоречивыми установками или утверждениями. И напротив: философ и его преемники, ученый и социолог, хотят это противоречие разрешить, чтобы получить единственное, вполне определенное заключение, и в идеале - единственную, непротиворечивую теорию.

В моей книге я не буду рассматривать варианты понятия нерешающей диалектики. Но необходимо привести ее примеры, чтобы рассуждать о релевантности этого понятия исторической эпистемологии. Едва ли можно сделать лучше, чем начать с самого начала: с первого «отца истории» - Геродота¹. Согласно традиции, Геродот путешествовал по восточному средиземноморскому миру, собирая материал для своего большого расследования о тех войнах, что вела Персидская империя против греков; войнах, которые при-

¹ См.: *Arnaldo Momigliano The Place of Herodotus in the History of Historiography // Studies in Historiography*. London, 1969. P. 127-142; *Francois Hartog. The Mirror of Herodotus: The Representation of the Other in the Writing of History*. Trans. Janet Lloyd. Berkeley, 1988.

вели к поражению Персии и к сохранению того, о чем нам нравится думать как о «западной культуре». Люди, с которыми беседовал Геродот, рассказывали ему множество историй. Некоторые истории он мог проверить, другие - нет, но он не хотел расстаться с теми рассказами, в истине которых не был уверен. Его методы в таких случаях могли бы показаться эпистемологически безответственными. Но это не так, поскольку, пересказывая сомнительные рассказы, он не скрывает собственную в них неуверенность: «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всякому я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде»¹. Он заинтересован в рассказах самих по себе, независимо от их фактической истинности, и он надеется, что мы будем относиться к ним так же. Но, в то же время, ему интересно и то, что произошло на самом деле, что не сходится с сомнительным рассказом: «...но это не так... надпись же сделал некто из дельфийцев... имя его я знаю, но не назову» (1.51). Говоря о проблеме современным языком, Геродот отклонил утверждение, что история должна быть идентифицирована с тем, что люди сегодня иногда называют «памятью». Но он также отклонил и утверждение, что история должна *исключать* «память». Скорее - и это несколько парадоксально, - история должна быть одновременно и рассказом, и памятью. Таков взгляд Геродота.

Другой вид «нерешительности» может быть найден у преемника и конкурента Геродота Фукидида. Безусловно, Фукидид отверг геродотову любовь к рассказам: в начале «Пелопонесской войны» он объявил, что хочет избежать

¹ *Herodotus The History / Trans. David Grene. Chicago, 1987. 7.152;* русск. изд.: *Геродот. История: В 9-и т. Кн. 7. Полигимния. 152. М., 1993. С. 353.*

muthodes - слово, производное от слова «миф»¹. Вместо этого Фукидид пытался выяснить для себя, что именно случилось, и старался сообщать только то, в чем мог убедиться сам. (Он мог так поступать, потому что Пелопонесская война произошла в то время, когда он уже был взрослым человеком, и все еще шла, когда он писал о ней. Кроме того, он сам был военачальником в этой войне, пока афиняне не признали его ответственным за поражение от спартанцев и не сослали.) Фукидид - отнюдь не нерешителен в отношении фактической истинности своего исследования: напротив, он абсолютно убежден, что его рассказ истинен. Его нерешительность может быть найдена, скорее, в его готовности - даже рвении - подробно сообщать о противоречивых взглядах и политике множества различных партий, вовлеченных в войну. Между тем *собственные* взгляды Фукидида остаются в тени. Он - не начинающий политолог, старающийся дать нам теорию военных действий или международных отношений. Он - историк, пытающийся рассказать правдивую, и потому неоднозначную, историю. Вот почему, как указывает антиковед Дэниел Мендельсон, не правы те современные авторы, кто пробует превратить Фукидида в поставщика прямых уроков для настоящего. Например, Йельский классицист Дональд Каган предлагает прочтение Фукидида, которое могло бы быть расценено, замечает Мендельсон, «как проект односторонней политики превентивной войны в духе двадцать первого века...». Предлагая такое прочтение, Каган упрощает фукидидово исследование войны - «изъятие многих голосов и точек зрения, которые он (Фукидид. - прим. перев.) так трудно искал, для того чтобы включить в работу.

¹ *Thucydides. History of the Peloponnesian War* / Trans. Rex Warner. Harmondsworth, UK, 1954. 1.21; русск. изд.: *Фукидид. История // Истории Греции*. М, 1976. 1.21.

Фукидид не пытался дать нам политические предписания; Каган явно делает это»¹.

«Нерешающая диалектика», характерная для исторического мышления, тесно связана с исторической эпистемологией, поскольку один аспект этой установки историков - весьма отличной от установки теоретика или специалиста по естественным наукам - сохраняет разрыв или промежуток между прошлой реальностью, которую историк описывает, и миром опыта настоящего. (Это не означает, что прошлое и настоящее *полностью* разъединены - они только различны.) Истинный историк - не пропагандист или болельщик, не тот, кто хочет, чтобы его история была «полезной». Скорее, он тот, чья страсть к познанию заставляет его исследовать закрытую для посетителей чужую страну - прошлое. Эта страсть связана с исторической эпистемологией, потому что историк только тогда может быть правдив, когда он всерьез воспринимает важность соответствия между историческим свидетельством и тем, что он пишет. Внимательность к историческому свидетельству помогает историку быть честным, и, следовательно, перед ним меньше опасность экстраполировать на прошлое свои собственные предубеждения и благие пожелания. И наоборот: слишком большая заинтересованность в использовании истории в настоящем может сделать потенциального историка невнимательным к историческому свидетельству. Дэвис, в «Возвращении Мартина Герра», очень заботится о связи написанной ею истории с релевантным свидетельством. Это не значит, что ее книга - вне критики, что это единственный исторический рассказ, который можно написать о крестьянах XVI века, или даже о странном случае

¹ *Daniel Mendelsohn. Theatres of War // The New Yorker*. Jan. 12, 2004. P. 82. Заметим, что оба - и Геродот, и Фукидид - рассматривали, хотя и разными способами, феномен «множества голосов».

Мартина Герра. В действительности, истинный историк *не может* требовать эксклюзивности для своего исследования: такова догадка Геродота. (Конечно, лозунги о том, что «все годится», и то, что *действительно* случилось, не имеют значения, - одинаково некорректны: это догадка Фукидида.) Требование знать прошлое с уверенностью нарушает принцип «исторической нерешительности». Это превращает историка в несколько иной вид исследователя, находящегося вне традиции историописания. Или, того хуже, это может превратить его в поставщика ошибок и даже безнравственности (поощряя, например, самодовольство, высокомерие, гордость за прошлое, за настоящее и за отношения между ними). Претензия на эксклюзивность грешила бы также и против исторической эпистемологии, поскольку отдельные события или происшествия в прошлом не оправдывают утверждение историка о том, что его собственное исследование истинно, а все другие ложные¹.

Утверждения, которые я здесь формулирую, уже известны всем настоящим историкам, хотя, возможно, не совсем в той форме, которую предлагаю я. Моя книга критически направлена в адрес другой позиции, которая оказалась в последние годы в центре внимания, - в адрес взгляда, согласно которому истинная функция истории заключается в *защите правильной позиции в настоящем*. Согласно этому представлению, история есть политика, и даже война, но другими средствами. Конечно, не удивительно, что люди, которые преследуют свои личные цели и которые обладают способностью навязать свои желания и предпочтения, разделяют это представление. Те, кто оплачивает счета историков, естественно, хотят, чтобы истори-

¹ Принцип исторической эпистемологии означает, что историк обязан избегать таких утверждений о прошлом, которые противоречат свидетельствам; а в тех утверждениях, которые он должен сделать, он обязан четко указать, почему он так думает. - *Примеч. авт*

ки заслужили свое содержание. Тревожит то, что в последнее время такие представления широко распространены среди профессиональных историков, которые должны бы быть более осмотрительными.

Возьмем, например, статью Уильяма Г. Томаса и Эдварда Л. Айерса «Различия, созданные рабством: тщательный анализ двух американских общин», что появилась в «American Historical Review» и на соответствующем веб-сайте в декабре 2003 года. В статье ставится цель предоставить читателям «полный доступ к академическому спору» относительно связи между рабством и Гражданской войной в Соединенных Штатах¹. Авторы утверждают, что рабство было «гораздо более важным в Гражданской войне, чем мы думаем», потому что оно оказало «определяющее влияние» даже в тех частях Юга, где не было хлопковых плантаций или афро-американского большинства². Авторы многократно повторяют это утверждение. В его поддержку они указывают на цифровой архив (the «Valley of the Shadow» Project [<http://valley.vcdh.virginia.edu>]), который содержит множество данных о двух сельских общинах в Долине Шенандоа - одна на севере (графство Франклин, Пенсильвания) и одна на юге (графство Августа, Вирджиния). На основе этих данных, а также других «исторических аргументов и свидетельств», Томас и Айерс делают еще один вывод, более решительный и определенный, чем утверждения о «важности» и об «определяющем влиянии», указанные выше: «*Опыт наших двух округов показывает, что рабство вызвало весь конфликт, который привел к*

¹ *William G. Thomas III, Edward L. Ayers. An Overview: The Differences Slavery Made: A Close Analysis of Two American Communities // American Historical Review. 108. 2003. P. 1299-1307. Полная электронная версия см.: [HTTP://HISTORY](http://HISTORY)*

² *Thomas, Ayers. An Overview. P. 1301.*

Гражданской войне», а не просто модернизация или того, что многие имеют ввиду, когда говорят о том, что «экономика» стала причиной войны, или же о том, что «индустриальный» Север выступил против «сельскохозяйственно-Юга»¹. Однако архивные данные, используемые авторами (например, об экономической деятельности, населении, о религиозных институтах, политических и социальных взглядах), в двух схожих сельских общинах перед началом войны, в ее ходе и после окончания, хотя и имеют своего рода дескриптивный интерес, но не дают оснований для попытки вывести из этих данных более широкие заключения.

Авторы фактически никогда не *делают* того, что они подразумевают под словами «дать полный доступ» к данным. На самом деле они вовсе не приводят никаких доказательств: их «резюме аргументации» - это все, что мы имеем. Хотя слово *аргумент* повторяется в статье вновь и вновь - как если бы они хотели восполнить словом отсутствие вещи, - но обычно (если не всегда) это слово используется как синоним заявления или *утверждения*. Если же сам *аргумент* означает *утверждение*, то никакое утверждение в аргументах не нуждается. Конечно, большой набор того, что *называется* свидетельствами, представлен и в статье, и в цифровом архиве. Авторы говорят, что они приводят «свидетельство» в пользу своего «научного аргумента» (под этим они, очевидно, подразумевают свидетельство в пользу их утверждения или утверждений о рабстве и Гражданской войне²), но они не в состоянии понять, что же требуется для того, чтобы нечто стало «свидетельством» чего-то еще. Странно и абсолютно неприемлемо воображать, что кто-то приводит «свидетельство» *в пользу*

¹ ANR. P. 1302.

² ANR. P1299.

какого-либо «научного аргумента». Тогда нужно полагать, что свидетельство - это одно, а научный аргумент - совсем другое. Но это не так: когда кто-то предлагает свои аргументы - в истории ли, юриспруденции, физике, или в любой другой области науки, - то свидетельство, которое подтверждает его заявления, есть просто часть его аргументов. Говоря другими словами: нет никакого абстрактного свидетельства: свидетельство есть всегда свидетельство *за* или *против* определенного утверждения и оно становится свидетельством *за* или *против* этого утверждения на основании того аргумента, который выдвигает историк, юрист, физик или кто бы то ни было еще.

Авторы также не в состоянии понять правила формулирования аргумента, выходящего за пределы простого описания прошлой исторической реальности. Они пишут об «определяющем влиянии» рабства и о «различиях, созданных рабством». Это объяснительные, а не только описательные утверждения: авторы говорят, что рабство произвело важное каузальное воздействие на структуру американского общества и на события того времени. Кажется весьма вероятным, что это утверждение является истинным, т. е. что рабство *на самом деле* оказывало существенное воздействие на американское общество. Но если вы хотите идти дальше того, что теперь стало трюизмом, и выдвинуть некий действительно «научный аргумент», то вы должны обеспечить свидетельство и аргументацию, поддерживающую это утверждение. Важный момент состоит в том, что как ученый вы обязаны представить свидетельство не только в пользу данного каузального утверждения, но также и свидетельство против него. Или, говоря иначе, если необходимо оценить, оказывал ли и какого типа «определяющее влияние» X на Y, то нужно также рассмотреть возможное воздействие W, V, U, T и т. д. на Y. Другими словами, необходимо осуществить контрфактическое рас-

суждение (см. гл. V наст. изд.). Также нужно быть точными в употреблении терминов, в чем так замечательно небрежны Томас и Айерс. Например, они могли назвать свою статью «Сравнительные характеристики двух американских округов в период Гражданской войны, с привлечением материалов цифрового архива». Это был бы обычный исторический проект. Вместо этого они утверждают, что проанализировали «различия, созданные рабством», без понимания того, как такое историческое исследование дифференцирующего воздействия рабства на самом деле могло быть выполнено. Они выбрали как «детерминанту» только один элемент в сложной реальности того времени и затем стали говорить о «различиях», которые он вызвал. Результат - явная путаница. Авторы не видят того, какая именно форма рассуждения требуется для тех заявлений, которые они делают.

Такая форма рассуждения может только быть аналитической. Томас и Айерс, кажется, понимают это на самом поверхностном уровне. Например, в «полной электронной версии» статьи они разместили то, что назвали «точками анализа», которые якобы являются релевантными их аргументации. Но оказалось, что «точки анализа» вообще не являются таковыми. Скорее, это разного рода утверждения. Данные утверждения всегда имеют некоторое отношение к исторической действительности исследуемых двух округов, устанавливая факт или ряд фактов, относящихся к одному или обоим округам. Например, одна такая «точка анализа», которая выделена жирным шрифтом, читается следующим образом:

«В Августе почти каждая группа белых людей имела собственность и дома большей стоимости, чем люди подобного положения во Франклинне, и большая часть этой собственности была неразрывно связана с рабством».

В принципе, это положение можно легко подтвердить: это, в конце концов, простое описательное утверждение, а

не утверждение о некоей причинной обусловленности. Но параграф, который немедленно следует за вышеупомянутым предложением, обращает на себя внимание одним коротким пассажем:

«Наиболее явным было различие в личной собственности. Поскольку рабы составляли категорию богатства, полностью запрещенного на Севере, средний фермер в Августе имел в три раза больше личной собственности, чем средний фермер во Франклинне. Рабство, казалось, создавало, *по крайней мере в глазах белых*, тот уровень жизни, который обеспечивал благосостояние всем белым».

Что не так в этом параграфе? Подумайте сами: сначала следует утверждение авторов, что «средний фермер в Августе имел в три раза больше личной собственности, чем средний фермер во Франклинне». Томас и Айерс подробно останавливаются на этом утверждении:

«Во Франклинне личная собственность составляла меньше третьей части от стоимости недвижимого имущества. В Августе, по контрасту, личная собственность, главным образом состоящая из рабов, составила в целом 10,1 миллиона долларов, почти три четверти от 13,8 миллионов долларов сельхозугодий, городских зданий и гостиниц в преуспевающем графстве».

К сожалению, Томас и Айерс пропускают важную концептуальную проблему, скрывающуюся за этим сравнением. Так как для любого разумного, любознательного читателя это - очевидная проблема, то удивительно, почему они-то не в состоянии обратить на нее внимание. Вопрос, который возникает в уме образованного читателя, таков: учитывая, что сравнение между Севером и Югом вовлекает в анализ две различные формы собственности, одна из которых не позволяла, а вторая разрешала одним людям иметь в собственности других людей, то как можно сравнивать стоимость личной собственности в этих двух регионах без учета различия ее форм?

На самом деле, прямое сравнение в высшей степени некорректно. Это так, потому что рабы как компонент личной собственности, которым обладали некоторые люди в графстве Августе, не имел никакого прямого эквивалента, как *собственность*, в графстве Франклин. Рабовладельцы в Августе являлись собственниками рабочей силы, представленной их работниками-рабами, а предприниматели во Франклинне только арендовали рабочую силу, платя заработную плату свободным рабочим. Включение цены рабов в оценку личной собственности в Августе обеспечивает ей, сообщают Томас и Айерс, более высокую среднюю оценку личной собственности по сравнению с Франклином. Но различие между двумя этими числами не показывает того, что же конкретно выигрывал материально «средний фермер» в Августе (относительно личной собственности) по сравнению со «средним фермером» во Франклинне. Скорее, различие между стоимостью рабов в Августе (необъявленной, насколько я могу это увидеть в электронном архиве) и ценностью рабов во Франклинне (ноль) есть маркер различия между двумя противостоящими формами собственности. Чтобы установить различие стоимости личной собственности «среднего фермера» в этих двух округах, Томас и Айерс должны были предпринять *реальную процедуру* анализа свидетельств. Вместо этого все, что они предлагают нам, - это столбцы чисел, описывающих различные экономические признаки каждого графства. Но чтобы действительно сравнивать богатство «среднего фермера» в этих двух округах, требовалось вывести *сопоставимые* численные значения из имеющихся данных, которые, в их сырой форме, несравнимы. В общем, авторы должны были бы вычислить стоимость рабочей силы, обеспеченной как рабочими-рабами, так и свободными рабочими, так как рабы и нанятые рабочие, предположительно, были куплены или наняты за стоимость той рабочей силы, которую они обеспечивали. Такое сравнение, конечно, потребовало бы более

глубокого анализа и логически выверенного рассуждения. Но это - единственный способ сделать сопоставимыми те несопоставимые данные, которые тем не менее намерены сравнивать Томас и Айерс¹.

Давно известно следующее элементарное требование метода социальной науки: чтобы делать сравнения, следует сравнивать только те вещи, которые являются сопоставимыми. Почему Томас и Айерс не стали заниматься той аналитической работой, которая необходима для того, чтобы получить сравнимые показатели от несопоставимых сырых данных? Единственно возможное объяснение вытекает из их утверждения о том, что «рабство казалось ответственным, *по крайней мере в глазах белых*, за тот уровень жизни, который был выгоден всем белым». Слова, которые я под-

¹ Здесь не место для полного анализа утверждений Томаса и Айерса. Эту задачу лучше оставить критическому вниманию специалистов по истории Соединенных Штатов XIX века. Удовлетворимся тем, что скажем: разворачивание статистики Томасом и Айерсом раздражающе фрагментарно в моментах, которые я коротко указал, и трудно реконструируемо. В <http://vcdh.virginia.edu/tablesandstats/comparison/estatevalues1860.html> они утверждают, что «в графстве Августе основная часть личного состояния оценивалась в рабах», но они не указывают точное число рабов. Они сообщают нам: принимая во внимание, что средняя стоимость собственности на душу населения (личная собственность и недвижимое имущество) составляла во Франклинне 633 \$, в Августе - 863 \$ (или 1,112\$, если считать только белых жителей Августе). К сожалению, авторы не дают нам статистику «среднего фермера» в этих двух округах. Возможно, эти данные, и многое еще, осталось где-нибудь вне поля их зрения. Если берется только личная собственность на душу населения, то приводятся цифры: во Франклинне 156 \$ и в Августе 364 \$ (включая всех резидентов). *Prima facie*, утверждение о том, что рабство дало округу Августе по сравнению с округом Франклина «огромные личные состояния», вводит в заблуждение не только потому, что сравниваются несравнимые вещи, но также и потому, что ими не учтена реальная стоимость собственности (сообщается, что реальная стоимость на душу населения во Франклинне была 476 \$, а в Августе - 499 \$, что очень близко друг к другу). Авторы также не обсуждают, что же расценивалось как личная собственность в переписи 1860 года, а также насколько надежным был сбор этой статистики и что из нее исключалось.

черкнул, озадачивают, так как Томас и Айерс начинают в «точке анализа» с заявления об объективной ситуации в Августе во время Гражданской войны, что звучит подобно словам Фукидида, который хотел написать исследование Пелопонесской войны по принципу «как это действительно было». Но в процитированном предложении они смещают акценты и отсылают к тому, что имело место в то время и что люди того времени говорили об этом, - родственник Геродоту пересказ историй персов, греков и пр., независимо от того, были они истинными или нет. К их чести, *оба* греческих основателя истории четко понимали различие между тем, что имело место в прошлом, и тем, что люди в прошлом говорили об этом, и они, сосредоточиваясь либо на одном, либо на другом, и при переходе от одного уровня к другому, сообщали об этом читателю. Томас и Айерс, вероятно, намерены уничтожить это полезное и важное различие. Досадно, что такое произошло в рамках профессиональной историографии: для нее это - решительный шаг назад.

Конечно, как уже отмечалось, авторы находят обширное количество «свидетельств». Но они не в состоянии понять, что свидетельство есть всегда свидетельство «за» или «против» некоторого утверждения. Так называемое свидетельство в этой статье больше напоминает некое декоративное оформление, или оно, скорее, похоже на массивную мебель, предназначенную произвести впечатление своим размером и весом. Томас и Айерс сообщают нам, что они хотят «соединить форму статьи с ее аргументацией, использовать электронную среду настолько эффективно, насколько возможно, чтобы презентация нашей работы выражала и подтверждала наши аргументы»¹. Возможно, то, что они делают, будет «эффективно» для тех читателей, которые ищут развлечений и некоторой доли наставлений. В конце концов, работа Томаса и Айерса дает нам шанс

¹ AHR. P. 1299.

еще раз высказать свои lamentации относительно той роли, которую сыграло рабство в истории Соединенных Штатов. Но цена «эффективную презентацию» выше аргументации - а кажется ясно, что именно это они и делают, - авторы сообщают нам историю-как-пропаганду, не говоря об этом прямо.

Зато они точно говорят о том, в чем именно их заслуга. Томас и Айерс считают, что будущая «наука истории в цифровой среде», опирающаяся на их собственную пионерскую работу, «могла бы быть сконцентрирована на следующих проблемах»:

- как представить нарратив более эффективно;
- как репрезентировать событие и изменение в истории;
- как более точно анализировать язык;
- как сделать визуализацию столь же убедительной и

полной, как нарратив.

В первом, втором и четвертом из этих предложений Томас и Айерс действительно говорят о том, как максимально эффективно осуществить пропаганду. Что касается третьего предложения, то их статья не лучшая модель точного анализа. Они упорно утверждают, что их статья «использует преимущества, которые дает [цифровая] среда для большей точности...»¹. Если это - точность, то остается только спросить: а какова же неточность?

Как известно любому исследователю исторической эпистемологии, «свидетельство» не имеет постоянного статуса, необходимо избегать ошибки отождествления *информации* (или данных) и *свидетельства*. Свидетельство является таковым только на основании свидетельствования за или против определенного утверждения или множества утверждений. Информация превращается в свидетельство только тогда, когда исследователь или ученый вовлечены в спор, которым он или она стремится показать, что спорная

¹AHR. P 1302.

информация подтверждает или опровергает такое-то и такое-то *утверждение*. Идеологически ориентированный историк избегает задавать вопрос, каким образом его утверждения могут быть поддержаны или опровергнуты. Скорее, он *предполагает*, что сделанные им утверждения истинны, или, по крайней мере, они являются социально полезными; и затем пытается представить их так «эффективно» и настолько в «пристрастной» форме, насколько это возможно. Историк, заинтересованный в открытии истины и в элиминации ошибок, поступает по-другому. Такой историк предполагает, что утверждения, которые он формулирует, не окончательны. Такой историк знает, что он должен предложить аргументы (а не только их *резюме*), чтобы доказать свои утверждения. Такой историк всегда задает вопрос: что подтверждает то утверждение, которое я только что сформулировал? Выяснение этого вопроса приучает к интеллектуальной дисциплине.

Этот вид дисциплины воспитывает точность в суждениях. Томас и Айерс преднамеренно отделяют свои суждения от исторических данных предшествующей историографии и исторического анализа, которые все вместе были бы необходимы для подтверждения этих суждений¹. Едва ли удивительно то, что, не обременяя себя дисциплинарными требованиями все подтверждать, как это делают истинные историки, они неизбежно впадают в неточность.

В последние годы стало модно настаивать на том, что *история является нарративом*, т. е., что это просто рассказ (story). Безусловно, историописание прежде всего является нарративом, по своей природе (в гл. II § 2 я подробно расскажу о том, что, действительно, почти вся история в самом широком смысле, а не только ее большая часть, есть нарратив). Но история не есть *только* нарратив. Французский классический историк и теоретик истории Поль Вейн

¹ «Историография и свидетельство занимают разные пространственные ниши. Они находятся вне анализа, не зависят от него...».

утверждал, что «история есть правдивый нарратив»¹. Позвольте мне здесь акцентировать внимание на слове *правдивый*. Это не означает «истинный» в каком-то его абсолютном смысле, но только *обоснованный* тем способом обоснования, который свойствен истории. Альтернативой понимания истории как правдивого нарратива является понимание истории в другой ее форме - истории-как-пропаганды.

Я здесь не доказываю, что те широкие утверждения, которые Томас и Айерс делают в своей статье, ошибочны. Скорее, я считаю, что они не обоснованы. Вместо того чтобы их подтвердить, авторы просят читателя просто поверить в их правдивость. (Под «широкими утверждениями» я подразумеваю, например, утверждение Томаса и Айерса, что рабство было «важнее, чем мы думали», и имело «определяющее влияние» на весь Юг. Что касается конкретной информации, которую они организывают и воспроизводят, то я ей полностью доверяю: у меня нет причин подозревать, что описания авторами переписи 1860 года неправильны.) Критически настроенного историка несколько удивляет неточность таких широких утверждений: неясно, что именно имеют в виду Томас и Айерс. Также неясно, что они, по их словам, добавили к уже существующей исторической литературе по истории Соединенных Штатов XIX века. (Вероятная реакция специалистов: за исключением тех описаний округов Августы и Франклина, которые, скорее всего, основаны на вполне надежных данных, они не добавили фактически ничего; их широкие утверждения уже приняты большинством историков в этой области исследований.) Томас и Айерс претендуют (неявно) на то, что их работа о возникновении Гражданской войны оригинальна: их основное утверждение заключается только

¹ *Paul Veyne Writing History: Essay on Epistemology* / Trans. M. Moore-Rinvulucii. Middletown, CT, 1984; русск. изд.: *Вейн П.* Как пишут историю: Опыт эпистемологии. М., 2003.

в том, что рабство было «более важно» в Гражданской войне, чем полагали предыдущие историки (таким образом, эти предыдущие историки, должно быть, все-таки считали рабство, по меньшей мере хоть отчасти, важным). Понятно, что Томас и Айерс видят свой большой вклад в историографию США не на этом субстантивном уровне. Вместо этого, и очень решительно, они утверждают, что проложили новый путь в самом способе реализации исторических исследований.

Серьезно ли это утверждение? Если историк берет на себя обязательство предложить аргументы и обоснования выдвигаемых утверждений, то - нет. Если, с другой стороны, историк берет обязательства только писать интересные и социально полезные нарративы, тогда можно посмотреть на это утверждение по-другому. Но правильно ли будет так поступить? Позвольте нам провести мысленный эксперимент. Центральное утверждение Томаса и Айерса состоит в том, что рабство «создало различия» в американской Гражданской войне, если вспомнить название их работы. Вообразите теперь нацистскую Германию 1935 года, но с современной компьютерной технологией. Пропагандистам режима была бы поставлена задача демонстрации того, что «евреи являются источником наших неудач *{die Juden sind unser Unglück}*». Множество данных показали бы, что евреи, совершенно непропорционально к их количеству, контролируют большие сектора экономики и культуры. Такие утверждения были бы сделаны очень убедительно, с привлечением цифрового архива, демонстрирующего все богатство немецких евреев. И таким образом это утверждение было бы «доказано». Насколько, на эпистемологическом уровне, это гипотетическое упражнение в цифровой истории отличается от способа исследования, рекомендованного в «*American Historical Review*»? По моему мнению, здесь не было бы никаких фундаментальных различий. Конечно, можно возразить, что пропагандисты Третьего рейха были безнравственны и обманывали сами себя. Но все, что мы

хотим и в чем нуждаемся, - это такая историография, которая была бы *независима* от этических взглядов, доброй воли, политической ориентации и т. п. историка и ученого. Мы можем получить такую историю, только если обратим серьезное внимание на проблемы исторической эпистемологии. Иначе единственным вариантом остается ввести тест на этику, толерантность, корректную политическую ориентацию для историков или будущих историков. Если такое тестирование станет общепринятым, с исторической наукой будет покончено.

* * *

Изначальная посылка настоящей книги состоит в том, что историки обязаны излагать материал ясно. Четкая аргументация включает в себя, во-первых, корректное использование свидетельств, приведение концептуальных и контрфактических аргументов (там, где это требуется) и постоянные усилия соизмерять весомость своих утверждений с силой того, что их подтверждает. Безусловно, в истории приемлемы (и даже неизбежны) и гипотеза, и рассуждение (см гл. V § 2 и VI § 2). Но гипотезы и рассуждения должны быть строго идентифицированы как таковые, и всегда необходимо иметь действительно весомые причины для их использования в работе. Все остальное только без нужды расширяет границы исторического исследования.

Я вновь должен настойчиво подчеркнуть, что мое общее представление об истории совпадает с тем, что давно уже известно всем истинным историкам; здесь я не оригинален. Оно было известно Геродоту, рассказчику конкурирующих историй, истинность которых бывала сомнительна. Оно было известно Фукидиду, задавшему эталон фактуального исследования. (Ученые традиционно считают, что после того, как в 424 году до н. э. афиняне его выслали, Фукидид провел много времени в путешествиях, чтобы разыскать существующие документы и побеседовать с ветеранами войны.) С профессионализацией историописания,

которая началась в XIX веке, внимание стало акцентироваться на правилах исторического метода - как формализованных, так и неписанных. Во многих областях профессии эти правила все еще господствуют. Историки, что и говорить, являются наиболее нетеоретичными из всех ученых, так что правила исторического исследования часто не артикулируются. Но они *живут* в любом историке или группе историков, представляющих свои незавершенные рукописи на проверку той методологической критикой, которой лучше всех владеют их коллеги по профессии.

И еще раз: все это известно, по крайней мере многим. Это было известно и тем старшим поколениям историков, которые усваивали смысл исторического метода на традиционных исторических семинарах или узнавали методические правила из социальных наук. (Методы социальных наук не являются методом исторических исследований, но могут многому научить историков.) Предлагаемая книга адресована не таким динозаврам, а, скорее, более молодому поколению, - поколению, которое если и получило какое-то эпистемологическое наставление вообще, то получило его (за отсутствием другого) от Мишеля Фуко, историка-философа, чьи блестящий ум и оригинальность бесспорны, но чья настойчивость в том, что знание есть только проявление власти, есть упрощение и в конечном счете очень опасное утверждение. Тем, кто убеждены предложенной Фуко версией анти-эпистемологии, или кто, абсолютно независимо от Фуко, верят в то, что история является и должна быть способом пропаганды и навязывания своего мнения, - мне нечего сказать. Я адресую эту книгу не тем, кто уже познал обязанность настоящего историка изучать все факты, ничего не изобретая и ничего не исключая; я адресую ее и не тем так называемым историкам, кто видит себя в качестве оракулов. Скорее, эта книга предназначена для еще не посвященных; она - введение в те проблемы, которые сегодня актуальны.

Глава I ПАМЯТЬ

§ 1. История с памятью, история без памяти

Многие люди вполне естественно считают, что история должна быть формой памяти. Они предполагают, что центральная задача историописания - возможно даже его единственная задача - состоит в том, чтобы сохранить и восполнить память. У этого предположения есть древний прецедент. В первых строках своей «Истории» Геродот сообщает, что он написал свою работу, «дабы ни события с течением времени между людьми не истребились, ни великие и дивные дела, эллинами и варварами совершенные, не остались бесславными»¹.

Предположение, что история - это память, сохраняется и сегодня, причем способами различными и противоречивыми. Рассмотрим два примера, сходных с геродотовым в том, что оба относятся к памяти о войне. В 1994—1995 годах обнаружилось противоречие во взглядах по поводу выставки, предложенной Смитсоновским институтом в связи с 50-летней годовщиной атомной бомбардировки Японии. Выставка, открытие которой было намечено на май 1995 года, была отменена, потому что группы ветеранов, комментаторы по вопросам политики и культуры, политические деятели выразили протест против той интерпретации войны и ее окончания, которую предлагала эта выставка. Теоретические вопросы таковы: на чью память

¹ *Herodotus. The History* // Trans. David Grene. Chicago, 1987. 1.1. P. 33; русск. изд.: *Геродот. История* // Историки Греции. М, 1976. С. 27).